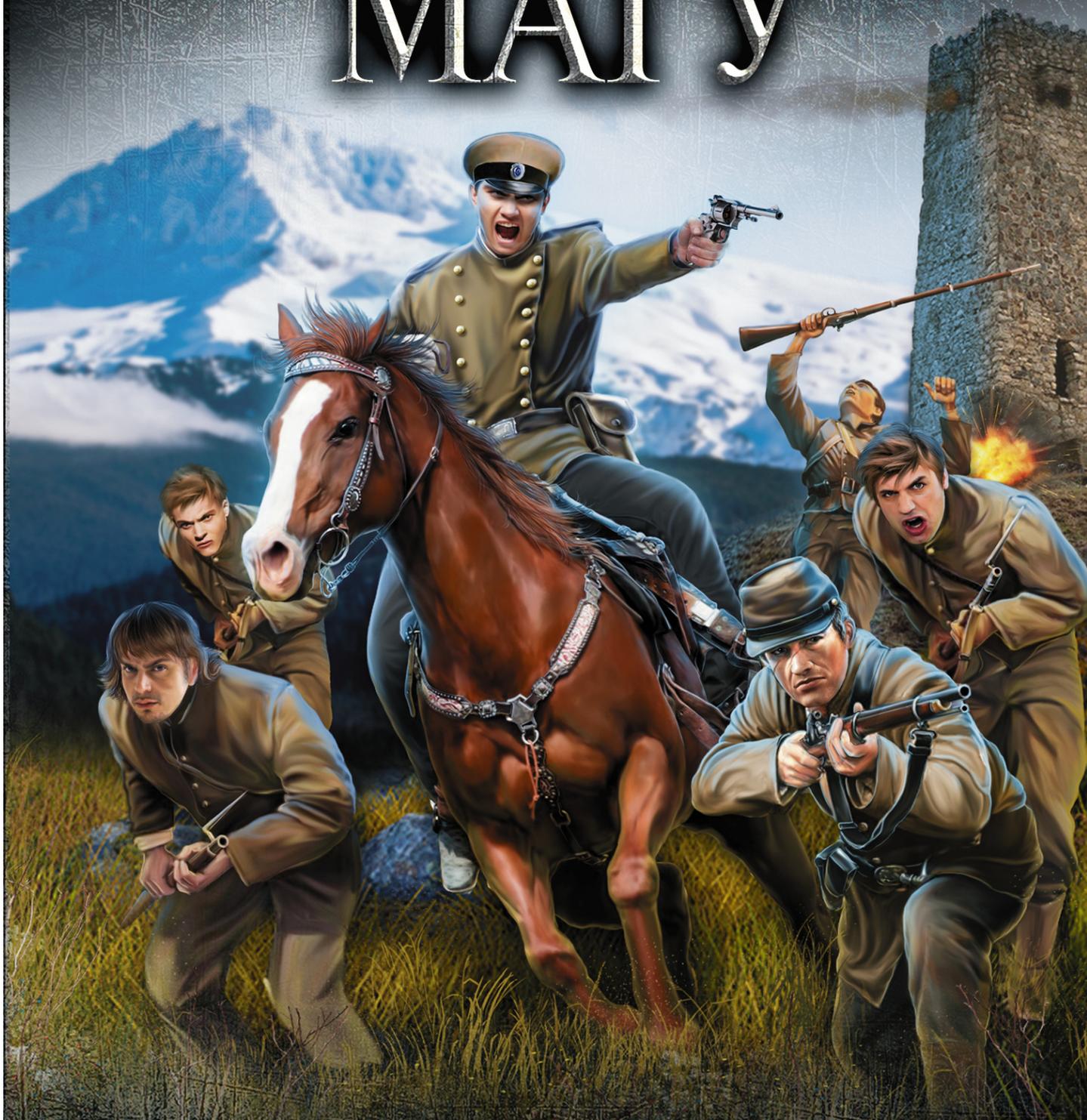

ВАДИМ ПОЛИЩУК

ЛЕЙТЕНАНТ МАГУ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Вадим Полищук
Лейтенант Магу

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Полищук В.

Лейтенант Магу / В. Полищук — «АСТ», 2018 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-109191-0

Алекс Магу – свежее испеченный лейтенант, мажор и повеса, отпрыск богатого и влиятельного рода. По причине несчастной любви и собственной глупости оказывается в захолустном гарнизоне на самой границе, где время от времени пошаливают гордые горцы. Не успел офицер протрезветь от банкета по случаю представления полковому собранию, как начались неприятности, какие только можно представить, а какие нельзя – подоспели чуть позже. Вместо того чтобы духом упасть и в отставку уйти, юный лейтенант решил все трудности преодолеть. Отцовские деньги и связи, хитрость, подкуп, шантаж – лучшие средства для достижения цели. Никакой жалости к врагам, подчиненным и самому себе. И чем же все это закончится?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109191-0

© Полищук В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Васильевич Полищук

Лейтенант Магу

© Вадим Полищук, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

– Нет, нет, мы никогда не сможем быть вместе.

Хрупкая юная девушка решительно отняла свою изящную, тонкую ручку у свежеепеченного лейтенанта в новеньком, поблескивавшем золотым шитьем парадном мундире.

– Прощайте.

Девушка решительно развернулась, длинное бальное платье на секунду обвилось ее ноги, и быстро направилась к входу в большой зал.

– Постойте!

На возглас лейтенанта обернулись только некоторые из гостей, удивленно-вопросительные взгляды скрестились на нем, а та, которой он был адресован, продолжала удаляться, никак на него не отреагировав. Лейтенант проводил ее взглядом, пока она не исчезла в дверях балльного зала, из-за которых доносилась музыка. Несколько минут пораженный в самое сердце юный офицер стоял на месте, глядя на снующих туда-сюда дам и господ и не видя их. «Нет, я должен найти ее и объясниться, несмотря ни на что».

– Осторожнее, черт возьми!

Едва сделав пару шагов, лейтенант столкнулся с каким-то солидным господином в черном фраке, шедшим под ручку с высокой красивой дамой.

– Извините, – торопливо пробормотал офицер и, обогнув пару, устремился дальше.

Господин открыл рот, чтобы окликнуть наглеца, толкнувшего его и едва не наступившего ему на ногу, и разобраться с ним, как положено в приличном обществе, но вдруг передумал. А поскольку рот был уже открыт, то он все-таки выдал вслед:

– Сопляк!

Сказано это было так, чтобы расслышать сказанное могла только спутница, которой и предстояло оценить смелость господина в черном фраке, но никто больше, особенно быстро удалявшийся офицер. Лейтенант двигался вперед, не обращая внимания на происходящее за спиной. Оркестр вовсю наяривал что-то очень веселое и быстрое. Войдя в зал, молодой человек прошелся взглядом по стоящим и сидящим у стен гостям. Не найдя объекта своих сердечных чувств, начал высматривать ее среди танцующих пар и замер... Она кружилась в завораживающем танце с таким же, как и он, новеньким, только что покинувшим училище лейтенантом. На очередном повороте открылись их устремленные друг к другу взгляды, и хоть все приличия были соблюдены, пара казалась единым целым. В один миг все стало ясно.

– Черт возьми, ну почему именно он?

Шепота, слетевшего с губ офицера, никто не услышал, а ответ был на поверхности. Высокий, стройный офицер в идеально сидящем парадном мундире, просто созданный для балов и парадов, и юная красавица, через пару-тройку лет – звезда высшего света, они были просто созданы друг для друга. Вместо эфеса рука сжала воздух, новенькую парадную саблю лейтенант оставил в гардеробе. Взглянув на побелевшие костяшки пальцев, он принял решение – стреляться.

– С двадцати шагов. Насмерть.

– Что, простите?

Стоявший рядом с лейтенантом светский хлыщ был крайне изумлен, услышав сказанное.

– Нет, нет, ничего. Это я не вам.

Черная волна схлынула. Лейтенант выскользнул из зала и направился к гардеробу – надо было забрать саблю, немедленно найти секунданта и к завтрашнему утру послать вызов этому подлецу.

Глава 1

Шатен чуть выше среднего роста, юный крепыш, затянутый в новенький мундир с лейтенантскими погонами, привычно держа фуражку на сгибе локтя, заученно щелкнул каблуками до зеркального блеска надраенных хромовых сапог и доложил:

– Господин полковник, лейтенант Магу представляется по случаю прибытия в полк для дальнейшего прохождения службы.

Полковник Вернов слегка поморщился, едва услышал фамилию вновь прибывшего офицера. Нет, нет, ничего личного, просто фамилия была слишком известна. Банкиры, сенаторы, промышленники, парочка известных юристов, как же без них, только про военных с такой фамилией до сих пор ничего не было слышно. Маловероятно, но может, однофамилец? Полковник бросил на лейтенанта пристальный, оценивающий взгляд. Нет, точно из этих Магу – материал, пошедший на мундир, под стать генеральскому, да и форма сидит идеально, чувствуется рука мастера. Весьма дорогого мастера. На одном боку уставная офицерская сабля, на другом – здоровенная кобура желтой кожи, видимо, с заграничным револьвером из рекомендованных к самостоятельному приобретению. Однако пауза затягивалась, и ее надо было чем-то заполнять.

– Какое училище?

– Первое пехотное, господин полковник!

Ну, кто бы сомневался! Всем известный питомник будущих кабинетных генералов, штабных крыс и прочих паркетных шаркунов. Старый шрам, обезобразивший лицо полковника, невольно дернулся. Как истинный вояка, медленно прошедший все командные должности, побтом, своей и солдатской кровью заработавший каждую звездочку на погоны, он презирал эту публику от всей души. Немало крови она ему испортила и нервов вымотала. Подавив свой невольный порыв, полковник взял себя в руки, еще раз присмотрелся к Магу. Коренаст, физически хорошо развит, видимо спортсмен, лицо холеное, породистое, бабам такие нравятся, на светском приеме ему самое место.

Однако что он делает в нашей дыре, вместо того чтобы выделять всякие па на званом балу? Неужели в гвардии все вакансии заняли? Не может быть! Да для такого – только ради фамилии – дополнительную должность создали бы при каком-нибудь штабе. Не иначе щенок нагадил где-то по-крупному. Вот и попал к нам, вместо того чтобы хвостиком по дворцовому паркету мести. Только на каком же ковре надо было лапку задрать, чтобы с такой фамилией попасть в наш полк?

Ладно, с этим новоиспеченным лейтенантом надо что-то решать. Загнать бы его субалтерном на самую дальнюю заставу, чтобы службу хлебнул по полной, но нельзя – высокопоставленные родственнички не поймут-с. Гадать, чей это сынок, сейчас бесполезно, – клан Магу слишком велик. Ничего, со временем выяснится. Придется оставить при полковом штабе, благо вакансий хватает. Но где именно? Так надо пристроить, чтобы ни один волос с драгоценной головки не упал. А что если оставить офицером для поручений при штабе? Хорошая мысль, и на глазах всегда будет, напортачить ничего не сможет, а в случае чего...

– Отлично, выпускникам столь славного своими традициями училища у нас в полку всегда рады.

Выражение лица полковника никак не соответствовало его словам.

– Благодарю, господин полковник! Надеюсь оправдать доверие!

– А оправдывать его вы будете на должности офицера для особых поручений при штабе полка.

– Прошу назначить меня на командную должность в одну из линейных рот!

Полковник ожидал подобного поворота. Уж если у этого лейтенантика хватило дурасти попасть в заштатный пехотный полк, стоящий в беспокойном месте, то от должности при штабе – мечты всего местного офицерства – он наверняка откажется.

– Непременно, но сначала послужите при штабе, осмотритесь, привыкните, тогда и решим вопрос о вашем окончательном назначении.

– Призвания к штабной службе не имею... – начал Магу, но был оборван полковником:

– Послушайте, лейтенант. – Шрам на лице полковника начал багроветь, не привык старый рубака, чтобы ему возражали всякие сопливые лейтенанты: – Вы будете служить там, где вам прикажут! Вам ясно?!

– Так точно!

Щечки лейтенанта вспыхнули.

– Отправляйте к начальнику штаба подполковнику Кавелину, он введет вас в курс местных дел и объяснит ваши обязанности. Свободны!

– Есть!

К повороту кругом не смог бы придаться самый строгий строевик. И дверь лейтенант прикрыл осторожно, без стука, он умел сдерживать эмоции.

В отличие от командира полка, начальник штаба оказался весьма приятным в общении и благожелательно настроенным по отношению к молодому офицеру. Моложавый, с идеальным пробором, упитанный и ухоженный подполковник производил впечатление довольного собой и своей жизнью человека.

– Лейтенант Магу...

Жестом прервав доклад лейтенанта, начальник штаба оторвался от кресла и протянул для пожатия пухлую, влажноватую руку.

– Подполковник Кавелин.

В течение часа подполковник интересовался столичными новостями, которые доходили в Текуль с недельным приблизительно опозданием. Проявив неожиданный для офицера из дальнего гарнизона интерес к подробностям светской жизни в столице, вежливо поинтересовался здоровьем родственников лейтенанта. Потом осведомился:

– Где остановились?

– Пока в гостинице, но думаю что-нибудь снять.

– В средствах вы, полагаю, не стеснены, поэтому могу порекомендовать меблированные комнаты госпожи Сетниковой. И от полка недалеко, и обслуживание весьма приличное. Только насчет женского пола – строго, нравы у нас провинциальные, строгие.

– Весьма признателен, господин подполковник, непременно воспользуюсь вашей рекомендацией. Но я о другом вас просить хотел...

Выслушивая сетования лейтенанта на нелюбезный прием командиром полка, начальник штаба сочувственно кивал. Тем не менее решение полковника Кавелин одобрил.

– И чего вы в этой казарме не видели? Мужичье сиволапое, по недоразумению именуемое солдатами? Да они же до конца службы правую и левую руки путают, а вам их учить. В полковом штабе общество все ж таки почище будет, хоть тоже неприятные личности попадают. К нам ведь кто попадает, те, у кого ни связей на приличную вакансию, ни ума, чтобы училище лучшим закончить и возможность выбора иметь.

– Либо те, кому все равно, – вклинился лейтенант.

Имея возможность выбирать, новоиспеченный лейтенант Алекс Магу просто наугад ткнул пальцем в список полков и попал в сто четырнадцатый пехотный. Тогда ему все было абсолютно безразлично – Текуль так Текуль, лишь бы подальше от столицы. И от нее.

– Не было еще таких, вы – первый, кто сюда добровольно приехал. У нас ведь тут постреливают. – Сообразив, что ляпнул лишнее, Кавелин поспешил успокоить вновь прибывшего

лейтенанта: – Но это редко бывает, за последние три года никого из офицеров полк убитыми не потерял.

А до этого, значит, убитые офицеры были? И если убитыми не терял, то раненые, что весьма вероятно, имелись. А как с солдатами и унтерами дело обстоит? Алекс сделал отметку на память. Между тем подполковник продолжал:

– Здесь, вообще-то, скучища, ничего не происходит. Газеты приходят несвежие, телеграф только два года как провели, железную дорогу обещают, но это когда еще будет. В неслужебное время господа офицеры частенько водочкой и картишками балуются, особенно неженатые...

Начальник штаба разглагольствовал о местной жизни еще с четверть часа. В конце концов, Алексу его словоизлияния надоели, и он постарался аккуратно вернуть разговор в деловое русло. Выбрав момент, он вежливо напомнил:

– Господин полковник сказал, что вы введете меня в курс местных дел и разъясните мои обязанности.

– Конечно, конечно, – поскучнел Кавелин.

Он подошел к одной из стен своего кабинета и отдернул закрывавшую ее занавеску. В кабинете начальника штаба могут всякие посетители бывать, в том числе и те, кому скрытую за толстой материей карту видеть не полагалось. Такая предусмотрительность подполковника как-то не вязалась с образом барствующего душки-начальника.

– Собственно, в Текуле находится только штаб полка, первый батальон, полковая артиллерия и госпиталь. Остальные батальоны дислоцируются в долине Темерюка. Наша зона ответственности от сих до сих.

Рука подполковника прогулялась вдоль темной извилистой линии, испещренной многочисленными значками.

– Почти семьдесят верст, – оценил расстояние Алекс.

– Точный у вас глаз, – восхитился Кавелин, но как-то не очень натурально. – По большому счету сюда бы дивизию надо, да где же ее возьмешь! На нашем берегу реки сплошные плавни, контролировать их практически невозможно, вот и шастают бандиты туда-сюда. Скот угоняют, людей воруют...

– Людей?

– Ну да. А вы не в курсе?

Видя недоумение лейтенанта, подполковник разъяснил ситуацию:

– В основном девок воруют, баб молодых – тоже. Но и мужиками не брезгают, особенно теми, кто помоложе и покрепче. Правда, в последнее время тише стало, а еще лет пять назад чуть не каждую вторую ночь перестрелки случались.

– С девками понятно – горцы жен себе воруют, – предположил Магу. – А мужики им зачем?

Кавелин еще раз пристально рассмотрел лицо лейтенанта, убедился, что тот говорит абсолютно искренне, и только посочувствовал вновь прибывшему офицеру.

– Неужели наши новости до столицы совсем не доходят?

Магу с сожалением развел руками. Подполковнику пришлось пускаться в пояснения текущей обстановки.

– Насчет девок вы правы, но только отчасти, в жены берут немногих. Большая часть их продается дальше османам в качестве наложниц. Мальчишек похищенных туда же продают, там из них евнухов делают, да и любителей мальчиков среди султанатской знати, говорят, немало. А мужиков ради выкупа воруют.

Воспользовавшись паузой в речи начальника, лейтенант задал вопрос:

– А кто не может выкуп собрать?

– Есть и такие, – кивнул Кавелин, – тех в рабах держат. Но их немного, рабов кормить надо, а в горах с продовольствием туго, сплошной камень. Вот только...

Подполковник взял паузу, словно раздумывал, стоит ли говорить дальше. Потом решил:

– В последнее время мужчин воровать стали реже, но, как бы это сказать, избирательнее, что ли. То лавочника богатого уташат, то чиновника небедного.

Честно говоря, Алексу на судьбу местных чиновников и лавочников было наплевать, но его возмущал сам факт того, что какие-то немытые бандиты с гор шастают по руоссийской земле и воруют подданных императора, которых он, лейтенант Магу, по долгу службы защищать обязан.

– Так надо этих мерзавцев поймать и повесить!

– Поймать, – грустно усмехнулся подполковник, – их трудно. Налетят, похватают людишек – и на правый берег, куда нам ход заказан. Из столицы приказано проводить политику умиротворения и границу империи не переходить.

– А что на правом берегу?

Сама река и левый берег на карте подполковника были показаны весьма подробно, а правый – почти сплошное белое пятно.

– Там предгорья начинаются, а дальше сами горы, где сам черт ногу сломит. Лет двадцать назад пытались в горы соваться, только дело почти всегда большой кровью заканчивалось. Артиллерию тогдашнюю было трудно по горам тащить, а стреляют горцы очень метко.

– С тех пор все изменилось, – не выдержав, воскликнул Алекс, – и пушки и винтовки!

– Люди остались прежними, – вздохнул Кавелин, – если будет случай, расспросите нашего полковника, он про те дела вам многое может рассказать. А мы – солдаты и обязаны выполнять приказ. Впрочем, что это мы все о грустном. Я полагаю, банкет по случаю прибытия в полк вы откладывать не собираетесь?

Новая тема разговора была гораздо приятнее.

– Как можно? – оживился лейтенант. – Кстати, господин подполковник, приличное заведение для сего мероприятия подскажите.

Обычно такого рода банкет устраивали прямо в штабе, так обходилось намного дешевле, чем снимать какое-либо заведение, но у этого лейтенанта денежки, несомненно, водились. По этой причине Кавелин скромничать не стал.

– Есть такое, ресторан господина Тюба. Не столичный «Триатон», конечно, но в нашем захолустье лучшего не найти.

– А вы и в «Триатоне» бывали?

Кухня в этом столичном ресторане была изумительной, гурманы со всей Руоссии стремились хоть раз побывать в нем, но цены...

– Нет, что вы. Не с моим жалованьем. Однако наслышан немало.

Алекс хотел было пригласить Кавелина в сие известное заведение, как только они вместе окажутся в столице, но быстро сообразил, что такое стечение обстоятельств вряд ли возможно в ближайшее время. Да и на подхалимаж такое предложение уж очень сильно походило. Поэтому он только поинтересовался:

– А сколько человек может разместиться в ресторане господина Тюба?

Подполковник слегка приподнял бровь. Хорошо знавшие его люди сказали бы, что Кавелин немало удивлен.

– Вы хотите снять ресторан полностью?

– А как же иначе? Гулять так гулять!

Начальник штаба мысленно помолился, чтобы эти гулянки не стали постоянными, а то они работу всего штаба парализуют.

– Полсотни в главном зале запросто разместится.

– Отлично! Значит, можно будет не только штабных, но и из первого батальона офицеров пригласить.

Кавелин глубоко в душе застонал – завтра не только полковой штаб, но и первый батальон окажутся недееспособными.

– Конечно, лейтенант. Думаю, начало назначим на восемнадцать ноль-ноль. Вы отправляйтесь к господину Тюба, а приглашенных офицеров я оповещу сам. Значит, рассчитывать нужно на пятьдесят приглашенных?

– Так точно, господин подполковник! – щелкнул каблуками Алекс.

Выйдя из здания штаба, лейтенант Магу окинул взглядом выбеленные строения, новомодный красный кирпич сюда еще не добрался, рыжие черепичные крыши, пустующий запыленный полковой плац. Порыв ветра оскорбил обоняние столичного жителя вонью лошадиного навоза. Впереди была банальная пьянка с далеко не лучшими представителями руоссийского офицерства. Алекс вздохнул и отправился искать местную забегаловку, по недоразумению именуемую рестораном.

– Разрешите, господин полковник?

В дверях стоял начальник штаба полка.

– Входи. По какому вопросу?

– Зря ты так с новым лейтенантом, дядя.

Вообще-то они не были кровными родственниками – подполковник был женат на племяннице полковника Вернова. Это не было большим секретом для всех, но на службе своих родственных связей они особо не афишировали. И только за закрытыми дверями полковничьего кабинета офицеры могли вести себя свободнее, а разговор был совсем откровенным.

– С этим щенком? – возмутился полковник.

– У этого щенка скоро прорежутся зубки, – заметил Кавелин. – И не дай бог, такие же, как у его папаша.

– А кто у него папаша?

– Виктор Магу. Да, да, – подтвердил мелькнувшую в лице полковника догадку начальник штаба, – тот самый банкир, который съел кучу народа во время последнего кризиса.

– Я не интересуюсь биржевыми новостями.

– А зря, дядя, зря. И какие люди были! Министр финансов, председатель госбанка, три сенатора... А ведь они и не думали обижать его любимого сыночка, они всего лишь хотели дать небольшой государственный кредит его конкуренту. Такая шумиха в прессе была!

– С чего ты взял, что он любимый сын? – не хотел сдаваться полковник.

– Он – младший, а младших, как правило, в семье любят больше, чем старших, а их защита – святое дело.

– Но, если он здесь, а не в гвардии, значит, в их отношениях с отцом не все гладко.

– Не надейтесь, дядя. В случае чего все Магу встанут против обидчика единым фронтом, и я не хотел бы оказаться на его месте. Виктор Магу с императором за ручку здороваются, дверь в кабинет председателя кабинета министров только что ногой не открывает. Поэтому, если хотите стать генералом, не обижайте маленького лейтенанта Магу.

– Я уже не надеюсь на генеральские лампы, – буркнул Вернов.

– А я надеюсь. И я прошу вас, дядя...

– Хорошо, хорошо. Проблем с моей стороны не будет, но только ради тебя и Гелены.

Неприятная часть разговора была окончена, и Кавелин решил подсластить пилюлю.

– Не огорчайтесь так, дядя, из пребывания младшего Магу в непосредственной близости можно извлечь некоторую пользу.

– Например?

– Например, объявлен конкурс на новую казнозарядную винтовку игольчатой системы.

– Нам-то что с того? – удивился командир полка. – До нас это перевооружение докатится лет через десять, не раньше. И при чем тут Магу? Его папаша делает деньги, а не винтовки.

– А вы, дядя, знаете девичью фамилию мамы вновь прибывшего лейтенанта?

– О господи! Она-то тут при чем?

– Ее девичья фамилия, – подполковник сделал вид, что не заметил вспышки Вернова, – Тизель. А Август Тизель – ее отец. Уж кто такой Август Тизель, вы наверняка знаете.

– Еще бы, – усмехнулся полковник, – почти вся полковая артиллерия имеет клейма его завода.

– Надеюсь, что вы не сомневаетесь в том, кто получит львиную долю контракта на производство новых винтовок? Неужто добрый дедушка откажет в маленькой просьбе своему любимому внуку? У нас есть шанс перевооружить полк всего через полтора-два года. И наши солдаты наконец перестанут подставляться под пули и нести потери, перезаряжая свои штуцеры стоя!

– Но Тизель только производит оружие, а не распределяет его по полкам. Первые поставки все равно пойдут в гвардию.

– Какой же вы иногда наивный, дядя. Половина интендантства, имеющего отношение к поставкам оружия и снаряжения в войска, кормится с его руки!

– Может, ты и прав, – сдался Вернов. – Поживем – увидим. Но я чувствую, хлебом мы еще с этим Магу.

На этом деловой разговор завершился. Еще несколько минут офицеры обсуждали служебные и семейные дела. Потом, попрощавшись, Кавелин вернулся в свой кабинет.

Попытка оторвать голову от подушки отозвалась сильнейшей головной болью. В воздухе витал запах дешевых духов и женского пота. Алекс поморщился и с трудом выбрался из-под одеяла на холодный пол. С противоположной стороны одеяла виднелись светлые кудряшки. Он попытался вспомнить, что было вчера и что именно было с обладательницей кудрей, но ничего, кроме нового приступа головной боли, это не принесло. Сориентировавшись в незнакомой комнате, лейтенант двинулся к медному умывальнику в углу. Споткнувшись о собственную саблю, едва не упал, с трудом сохранив равновесие. Добрался, наконец, до источника живой влаги, плеснул в глаза и прополоскал рот, изгнав из него большую часть обосновавшейся там мерзости.

Соседка по кровати зашевелилась.

– Как хоть тебя зовут?

Никакой реакции.

– Ну и черт с тобой.

Алекс начал собирать свои разбросанные по всей комнате вещи. Судя по бившему сквозь пыльное стекло солнцу, ему уже давно пора быть на службе. С трудом натянув мундир, лейтенант подобрал с пола брякнувшую саблю. Чего-то не хватало. Ах, да, португеза с револьвером нашлась на кресле под ворохом нижних юбок. Так, в расстегнутом мундире, криво напялив фуражку и держа в руках всю положенную уставом сбрую, Алекс вывалился в коридор, где тут же наткнулся на весьма весомых достоинств женщину, наряженную в розовый халат, – мадам... Как же ее, черт возьми?

– Рада вас видеть, господин лейтенант!

Господин лейтенант, буркнув в ответ что-то вроде приветствия, попытался продолжить путь, протиснувшись между стенкой и мадам, но был решительно остановлен.

– Куда же вы в таком виде?

Женщина неожиданно шустро застегнула мундир и, не обращая внимания на протесты Алекса, ширинку его штанов. Навесила саблю и оттянутую тяжестью кобуры португезу, застегнула пряжку ремня. Видимо, имела в этом деле немалый опыт. И не только в застегивании.

– С-спасибо, м-мадам.

– Секундочку.

Козырек фуражки симметрировался относительно лейтенантского носа. Душевная все-таки женщина эта хозяйка борделя.

– Я в-вам н-ничего не должен?

Рука лейтенанта благодарно ущипнула мадам за пышную задницу.

– Что вы, что вы, шалун, – вспыхнула и расцвела женщина, – за все уплачено.

Увидев ее довольную рожу, Алекс подумал, что вчера, похоже, здорово переплатил. И не только за себя. Ну и хрен с ним!

Что-то щебеча о том, что сам господин лейтенант вчера и запретил его будить, мадам проводила его до порога собственного заведения, дальше ее любезность не распространялась.

– Не забывайте нас!

Оказавшись на улице, Алекс оглянулся в поисках извозчика, но потом вспомнил, что извозного промысла как такового в Текуле нет. Проклиная судьбу и собственную глупость, загнавшие его в такую дырищу, лейтенант отправился в полк пешком.

Пока лейтенант с трудом преодолевал невеликий путь по пропыленным улочкам заштатного городка, в одном из кабинетов штаба, куда направлялся Алекс Магу, состоялся следующий разговор.

– Как там этот новоприбывший лейтенант, не сильно загулял?

– Сильно, до сих пор еще не появлялся.

– А остальные офицеры? – поинтересовался полковник Вернов.

– Наши покрепче оказались, да и более привычные к местной водке, – позволил себе улыбнуться Кавелин. – В разной степени мучаются головной болью, но на службу все прибыли вовремя. А ведь вчера кое-кто вместе с лейтенантом Магу отправился продолжать гулянку в заведение мадам Жаклин.

– Этого и следовало ожидать, – кивнул полковник. – А что там был за скандал?

– Капитана Казубова жена буквально стащила с одной из девочек еще до того, как он успел хоть что-то сделать. Капитан был этим очень недоволен и никак не хотел возвращаться к семейному очагу, тем более что все услуги барышни уже были оплачены лейтенантом Магу.

Полковник понимающе хмыкнул. Скандалы капитана Казубова со своей некрасивой и крайне сварливой женой частенько баламутили болото местного общества. Сам капитан был предметом яростного осуждения всех офицерских жен и сочувствия со стороны сослуживцев.

– Не повезло Казубову, – резюмировал Вернов.

– А может, наоборот повезло, – улыбнулся Кавелин, – приди его жена на десять минут позже, он бы парой вразумляющих пощечин уже не отделался.

Полковник согласно кивнул. Воспользовавшись паузой в разговоре, Вернов подошел к окну, сощурившись от яркого солнца, посмотрел на полковой плац, где несколько унтеров учили шагистике недавнее пополнение. Со строевой подготовкой у молодых солдат не ладилось, и крики унтеров свободно проникали в полковничий кабинет сквозь открытые окна.

Пока командир полка рассматривал творящееся на плацу действие, начальник штаба не стал его отвлекать, но стоило Вернову обернуться к столу, как Кавелин вернулся к прежнему вопросу:

– Надо бы этого лейтенантика куда подальше с каким-нибудь поручением послать, туда, где ему наш Текуль вершиной цивилизации покажется. Пусть заодно и в дороге проветрится, ему только на пользу будет.

– Хорошо, – согласился Вернов, – отправь-ка ты его завтра... Нет, лучше послезавтра – в четвертый батальон, пусть пакет с паролем отвезет.

Обычно такие пакеты возил унтер-офицер в сопровождении двух солдат. Лейтенантов с такой миссией никогда не посылали, но начальник штаба предложение полковника всецело одобрил.

– Хорошая мысль, дядя, день туда, ночь там, еще день обратно. Может, на свежем воздухе дурь из башки хоть немного выветрится.

На том и порешили.

А пока лейтенант Магу неверной, пошатывающейся походкой приближался к переломной точке своей судьбы.

Справа бесконечной чередой тянулись заросли, сквозь которые иногда поблескивала вода. Те самые плавни, о которых предупреждал подполковник Кавелин. Слева зеленела бесконечная степь. Иногда в степи появлялись темные шапки небольших рощиц. Осень еще не успела вступить в свои права и перекрасить деревья в желто-красные цвета.

Смирная лошадка из полковой конюшни шла мерным, неторопливым шагом. Покачиваясь в седле, Алекс делал непростой выбор – купить нормальную лошадь на месте или выписать с одного из конезаводов. По мере выветривания из головы последствий вчерашней гулянки, окончившейся, как и первая, в борделе мадам Жаклин, лейтенант все больше склонялся к первому варианту. Местные скакуны были вовсе неплохи, привычны к местным условиям. В конце концов, ему была нужна не скаковая, а кавалерийская лошадь, пригодная к длительным переходам по почти безводной степи. К тому же этот вариант был существенно быстрее, и не надо будет заботиться о весьма хлопотной доставке покупки в Текуль. Окончательное решение было принято после мысленного подсчета оставшихся финансов – деньги, выданные отцом на обустройство на новом месте, подходили к концу. Две последние попойки нанесли по ним серьезнейший удар. Конечно, папа не отказал бы сыну в приобретении новой лошадки, но Алекс считал себя уже взрослым, офицер как-никак, и хотел решить проблему без отцовского участия.

– Там, в балочке, родник есть, может, привал сделаем, – предложил Алексу сопровождавший его унтер.

Унтеру было уже за сорок. С точки зрения юного лейтенанта – старик. Именно этот унтер-офицер должен был доставить пакет, который сейчас оттягивал сумку лейтенанта, в четвертый батальон. Вместо двух обычно сопровождающих доставку пакета солдат Кавелин навязал им четверых, видимо, беспокоился. Но унтер еще утром объяснил, что эти пакеты никого не интересуют – обычная штабная почта, а пароль, если пакет не доставят вовремя, просто не введут, будут пользоваться старым. А если пакет похитят, то его тут же сменят, бандитам никакого проку от этого не будет.

Алекс оглянулся на ехавших позади солдат, явные новобранцы, на лошади сидят как коза на заборе, похоже, задницы себе с непривычки основательно натерли.

– До темноты доехать успеем?

Унтер кивнул.

– Не беспокойтесь, господин лейтенант, успеем. Мы здесь всегда останавливаемся лошадей напоить.

Алекс хотел напомнить ему инструкцию, запрещающую курьерам останавливаться вне укрепленных застав, последнюю из которых они проехали около часа назад, но передумал. Унтер эти пакеты доставляет не первый год, ему виднее. К тому же дорога ушла от удобных для засады плавней в глубь степи, да и пренебрегать в этих местах возможностью лошадей напоить не стоит. И люди пусть отдохнут.

– Хорошо, останавливаемся.

Всадники свернули на протоптанную в траве тропку, почуявшие воду лошади пошли быстрее. С дороги неглубокая балка была совсем неприметна, на дне, невидимый через зелень кустов, журчал родник. Пробравшись через гибкие ветки вслед за унтером, Алекс слез с седла.

– Через четверть часа едем дальше.

Лейтенант демонстративно захлопнул крышку часов и убрал их в карман мундира.

– Есть, господин лейтенант.

Пока Алекс поил свою лошадь, солдаты составили винтовки в козлы и занялись своими. Винтовки были устаревшими – передельные, капсюльные образца пятьдесят четвертого года. Лет десять назад они были изготовлены как пехотные ружья образца сорок четвертого года. После последней неудачной войны в стволах сделали нарезки, и ружья стали винтовками. Точность и дальность стрельбы возросли, но скорострельность осталась прежней. К тому же заряжать их можно было только стоя, а бумажные патроны, которые солдаты изготавливали сами, весьма боялись влаги. Да и других недостатков тоже хватало, но перевооружение армии затягивалось и далеким от столицы полкам приходилось пользоваться тем, что есть.

– Засада!

Голова Алекса еще не успела осознать происходящего, а правая рука уже схватилась за кобуру револьвера. Время как будто замедлилось, Алекс в мельчайших деталях видел, как поднявший тревогу унтер-офицер медленно оседал безвольной куклой с кинжалом в спине. Кривулина капсюльного пистолета, которым он так и не успел воспользоваться, выскользнула из ослабшей руки и исчезла в высокой траве. Убившие унтера черные фигуры кинулись к солдатам, блеснула сталь. Клапан кобуры наконец-то поддался. Солдаты бросились к своим винтовкам, но лейтенант тут же осознал, что они уже не успеют. Да и не заряжены винтовки, разве что штыком отбиваться.

Изогнутая рукоять «гранда» легла в ладонь. Мелькнуло позднее сожаление, что запасных патронов с собой не взял, теперь можно рассчитывать только на те шесть, что сейчас есть в барабане. Щелкнул взведенный курок, ствол пошел вверх, одна из черных фигур, заметив опасность, метнулась в сторону.

Бах! За мгновение до выстрела кто-то сшиб лейтенанта с ног, он так и не понял, попал в черного или нет. Сверху навалилась тяжелая туша, пахнуло вонью давно немытого тела и лошадиного пота. Алекс попытался извернуться и взвести курок второй раз, но «гранд» вывернули из руки, а на голову ловко натянули мешок. Руки были зажаты словно в тисках, тогда лейтенант вслепую попытался кого-нибудь лягнуть. Неожиданно попытка оказалась успешной – каблук лейтенантского сапога встретился с преградой. В качестве награды офицер услышал сдавленный вопль, а потом чей-то сапог врезался ему в бок, и мысли о сопротивлении бандитам отошли на второй план.

Пока Алекс корчился от боли, ему спутали руки и ноги. Рядом шла еще какая-то возня, но лейтенанту некоторое время было не до нее. Боль немного отпустила, и он попытался пошевелить руками, но только убедился, что связали его крепко и основательно. Между тем попытка не осталась незамеченной, его пнули еще раз, уже не так сильно, а потом кто-то невидимый с сильным акцентом пообещал:

– Еще раз шевельнешься – зарежу.

Этой угрозе Алекс не поверил, он уже понял, что они нарвались на банду похитителей и просто так убивать тех, за кого можно получить выкуп, они не будут. Однако получить еще один весьма болезненный пинок никакого желания не было, и лейтенант предпочел подчиниться обстоятельствам. На время. Между тем чьи-то руки обшарили карманы, сдернули ремень с саблей, полевую сумку... Пакет! Все доводы разума были мгновенно забыты, Алекс рванулся... На этот раз его избili основательно. Повезло, что бандиты были одеты в мягкие сапоги, только поэтому обошлось без серьезных повреждений. Потом раздался чей-то гортанный голос, и побои тут же прекратились. Затапали приведенные лошади, лейтенанта подняли и взгромоздили на лошадиную спину.

Мешковина пропускала какие-то крохи солнечного света, но понять, что происходит снаружи, или хоть как-то сориентироваться с помощью зрения было невозможно. Оставалось надеяться на слух. Судя по возне с другими лошадьми, в живых остался не только он. Между собой похитители переговаривались на незнакомом языке. Говорили немного, но действовали слаженно, чувствовался немалый опыт в таких делах. Страх почему-то не было, видимо про-

сто не успел испугаться. Была досада, что так глупо попался, и стыд. Стыдно было за погибших солдат и унтера, за то, что отцу придется платить выкуп, за то, что придется возвращаться в столицу побитым щенком и все, знакомые и незнакомые, будут обсуждать произошедшее с ним. Стиснув зубы, Алекс Магу принял решение в столицу не возвращаться. По крайней мере, до тех пор, пока не отомстит похитителям.

Наконец тронулись. Лошади выбрались из балки, угадать направление движения было нетрудно – на юг, к реке. Судя по тому, как почти бесшумно шли лошади, копыта им обмотали тряпками, но в путь двинулись задолго до темноты, значит, встречи с патрулем не опасались. Выходит, хотели скрыть следы подков строевых лошадей.

Покачиваясь в такт лошадиному ходу, Алекс продолжил анализировать произошедшее, но вопросов было больше, чем ответов. Бандиты охотились за пакетом, или их интересует только выкуп за пленников? Скорее, второе, иначе курьера и всех сопровождавших просто убили бы. А может, целью все-таки был именно пакет, а пленников бандиты решили прихватить ради побочного заработка? И это может быть. А что если украсть хотели именно его – Алекса Магу, сына известного столичного банкира? О такой добыче местные бандиты могут только мечтать, ради сына папа и миллиона не пожалеет. Нет, тряхнул головой лейтенант, не может этого быть. Прошло всего три дня, как он появился в Текуле, а о предстоящей поездке узнал только позавчера. За это время просто невозможно предупредить бандитов, добраться до места, устроить засаду. Нет, такое решительно невозможно, его попадание в эту ловушку – случайность. Оставалась надежда, что похитители так и не узнают, кто попал к ним в руки, и выкуп назначат не слишком большой. Очень слабенькая надежда.

Под копытами лошадей зачавкала вода, стебли высоких растений зашелестели по ногам и спине лейтенанта. Где-то через четверть часа такого движения лошадь ненадолго остановилась. Потом опять двинулась вперед, и сквозь мешковину донесся плеск воды. Алекса стащили с лошади и бросили на дно лодки, локтем он приложился о какую-то деревяшку и зашипел от боли. В лодку залезли еще люди, и под всплески весел она двинулась к правому берегу. Здесь лейтенанта опять погрузили на лошадь. Судя по мокрой спине, Темерюк она преодолевала вплавь. И опять мерное покачивание на спине неторопливо идущей лошади.

На этот раз ехали долго. Бандиты явно почувствовали себя в безопасности. Если по левому берегу они двигались молча, то сейчас оживленно переговаривались все на том же непонятном языке, даже смеялись, похоже, радовались удачному делу. Уши лейтенанта уловили пару знакомых руссийских слов, но они оказались нецензурными ругательствами, видимо, к нему же и относящимися. Общий смысл разговора остался непонятен. Когда ноздри лейтенанта уловили едва заметный запах дыма, он понял – близится конец путешествия. По крайней мере, на сегодня.

Алекс не ошибся, вскоре копыта лошадей, которые здесь ничем не обматывали, застучали по-иному. Потом его сняли с лошади и под руки втащили в какое-то помещение. Здесь наконец-то сняли с головы проклятый мешок. От яркого света он на несколько секунд ослеп. Пока лейтенант протирает глаза, его развязали.

– Вставай.

Еще ослепший Алекс попытался подняться, но затекшие ноги его подвели, и он повалился обратно. Чьи-то руки вцепились в плечи и рывком поставили лейтенанта на ноги.

– Лезь, офицер.

Глаза понемногу обрели возможность видеть. Потрескивающий неровным пламенем факел выхватывал из тьмы небольшое пятно земляного пола и круглую черную дыру в нем. Из дыры исходил запах мочи, пота, страха и отчаяния. Алекс инстинктивно отшатнулся, но ему не дали и шагу назад ступить.

– Лезь!

Стоявший сзади бандит кольнул лейтенанта в спину острием кинжала или ножа. Потом добавил:

– Быстрее, ты не один.

Это была единственная хорошая новость с момента похищения. Торопливо растерев запястья, Алекс шагнул к дыре. В яму спустили толстую жердь с изредка набитыми поперек планками. Спуск по такой лестнице потребовал немалой ловкости, но лейтенант с задачей справился. Яма оказалась довольно глубокой, около двух саженей, стены выложены камнем. Воняло очень сильно, но нос понемногу начал привыкать. Исследование прервала возня наверху. Пару минут спустя неровное световое пятно было закрыто спускающимся сверху человеком. Лейтенант шагнул к лестнице, хотел помочь спуститься, но пленник чересчур нервно отреагировал на неожиданное прикосновение и едва не свалился с импровизированной лестницы.

– Кто здесь?

– Я – лейтенант Магу. Спускайся, здесь уже невысоко.

Только после того, как спустившийся ощутил под ногами земляной пол, он смог представиться.

– Ряд-довой Д-дурасов.

Чувствовалось, что солдат изрядно трусит, даже говорить нормально не может, видимо губы трясутся. Тем временем на жерди появился третий бедолага. Этот держался намного лучше.

– Рядовой Коновал, вторая рота первого батальона, господин лейтенант.

– Ты – коновал? – удивился Алекс.

– Никак нет, господин лейтенант, фамилия у меня такая.

Жердь поднялась, люк закрылся, погрузив яму в непроглядную тьму. Алекс нащупал каменную стену, сел на найденную у стены солому и начал выяснять обстоятельства произошедшего. Оба солдата оказались новобранцами из последнего призыва. Коновал не только трусил меньше, но увидеть успел больше. От него стало известно, что нападавших было всего семеро. Силы почти равные, но на стороне бандитов были опыт подобных схваток и фактор внезапности. Дружно кинувшиеся к винтовкам солдаты только помешали друг другу. Двоих бандиты зарезали, двое, оставшихся безоружными, подняли руки и их не тронули.

– Что с-с н-нами д-дальше б-будет?

Дурасов никак не мог понять, что убивать его уже не будут, и продолжал трястись. Алекс попробовал его успокоить:

– Все будет хорошо. Посадят в яму, потребуют выкуп. В самом худшем случае месяца через три будем дома.

– Меня не выкупят, – приуныл Коновал, – у меня родня сплошь бедная.

– Об этом не беспокойся, – проявил благородство лейтенант, – я выплачу выкуп за всех.

На этом разговор прервался, люк отодвинулся в сторону и сверху приказали:

– Эй, ловите.

Вниз на веревке спустили глиняный кувшин с водой и три небольшие лепешки. Лепешки были жесткие и пресные. Жевали их молча, каждый думал о своем. Дурасов наконец-то прекратил трястись. А вот вода оказалась свежей и довольно холодной, аж озноб пробирал. Зато голова прояснилась, и Алекс осознал весь ужас своего положения. Еще несколько часов назад он был блестящим офицером с отличными перспективами, а сейчас он пленник каких-то немых бандитов. Трех его подчиненных убили, оружие и лошади стали трофеями тех же похитителей, как и секретный пакет. Когда его выкупят, остается только подать в отставку и с поджатым хвостом вернуться в столицу. А когда в столице прознают... А светские сплетники непременно узнают. Тогда не то что в свет, на улицу не выйдешь. Уж лучше сразу за границу уехать.

Алекс врезал кулаком по камню и тут же об этом пожалел. Во-первых, больно. Во-вторых, эмоции нужно уметь сдерживать, хорошо хоть рядовые не могли видеть этого жеста отчаяния. В конце концов, он пока еще офицер и обязан подавать пример подчиненным даже находясь в застенке у бандитов. Еще несколько часов лейтенант терзал себя своими же мыслями и сам не заметил, как забылся беспокойным, тревожным сном.

Когда люк открылся в следующий раз, в яму проник тусклый дневной свет. В круглом светлом пятне появилась чья-то голова.

– Эй, вылезайте!

Следом спустилась все та же жердина. Подъем дался намного тяжелее, чем спуск накануне. Едва голова и плечи лейтенанта показалась над краем ямы, как его подхватили под руки и выдернули наверх. На голову опять натянули мешок, но Алекс успел заметить, что яма находится в углу двора, обнесенного высокой каменной стеной. Потом их по одному отвели в туалет, после чего загнали в сарай, где выдали кувшин воды на всех и три пресные лепешки. Только в сарае их оставили без присмотра. Дурасов сразу поинтересовался:

– А чего это они нас в мешках водят?

– Боятся, что мы потом узнаем место, где нас держали, – пояснил Алекс.

Коновал дожевывал кусок лепешки и осмелился возразить офицеру:

– Так ведь наши сюда не ходят.

– Пока не ходят. Дом этот наверняка недалеко от реки, и добраться до него нетрудно, вот и опасаются, что кто-нибудь его опознает.

Больше поговорить им не дали, ввалились несколько бандитов, связали, надели мешки на головы. И опять мерное покачивание на лошадиной спине. Изображая бессловесный лошадиный выюк, лейтенант попытался запомнить детали дороги, по которой их везли. Получалось плохо. Направление вроде на юг – юго-запад. Поначалу шел длинный пологий подъем, потом был короткий крутой спуск и опять долго и медленно вверх, еще спуск... К середине дня Алекс окончательно запутался в этой постоянной смене рельефа. Надежда самостоятельно отыскать путь к логову бандитов растаяла, Магу сделал вывод, что придется искать проводника, причем из местных.

В середине дня бандиты устроили привал. На отдых расположились в какой-то каменной щели, не дававшей возможности обозреть окрестности. К этому времени Алекс окончательно потерял ориентацию и только приблизительно мог указать направление на север, где, по его мнению, находился Темерюк, а о расстоянии до реки мог только смутно догадываться. Бандиты почувствовали себя в безопасности и заметно повеселели, лиц уже не прятали. Пленников напоили, но рук не развязывали. Сбежать все равно невозможно, но при попытке кого-нибудь могли и поранить, а рисковать живым товаром похитители не хотели. Спустя полчаса на головы солдатам натянули все те же мешки, погрузили на лошадей и тронулись дальше.

До ночи останавливались на отдых еще раз, на берегу небольшой горной речки, с шумом несущей талую воду с видневшихся вдали белоснежных вершин. Здесь напоили и пленников, и лошадей. И опять мешок на голову, лошадиная спина, покачивающаяся на неровной горной дороге. Вроде и делать ничего не надо, а выматывает такое путешествие не меньше, чем если бы весь путь был проделан пешком.

А вот ночевать остановились в каком-то горном селении. Опять был свет чадающего факела, черная дыра вонючей ямы, кувшин воды и три черствые, безвкусные лепешки на троих. Зато развязали руки, и появилась возможность поговорить. Оказывается, это очень непросто целый день молчать.

– Сколько нас везти еще будут? – задал занимавший всех вопрос Дурасов.

– Думаю, завтра будем на месте, – высказал свое мнение лейтенант Магу.

– Почему завтра, господин лейтенант? – осторожно поинтересовался второй солдат.

– Достаточно далеко, чтобы бандиты чувствовали себя в безопасности, и достаточно близко, чтобы доставлять пленников. – Чуть помедлив, лейтенант добавил: – Да и посредники смогут прибыть достаточно быстро.

В эту ночь лейтенант заснул намного быстрее, видимо, постепенно начал привыкать к своему новому положению. Утро не принесло сюрпризов, процедура доставки пленников была хорошо отработана бандитами и действовала без сбоев. Не они первые, не они и последние. Туалет, завтрак из лепешек и воды, потом мешок на голову и на лошадь. За день два привала, где пленникам давали воды.

Отличие от предыдущих дней началось с того, что еще засветло лошади с пленниками въехали в какое-то селение. Первой их встретила черная, лохматая собачонка, залиvisto облаившая лошадей и чужаков. От самих бандитов четвероногая тварь держалась на почтительном расстоянии. На собачий лай вышли люди, судя по радостному гомону встречавших, похитителей здесь уже ждали.

– Слезай, офицер.

Столь немудреная шутка вызвала у окружающих смех. Под этот гогот Алекса грубо сдернули с лошади, и он приложился локтем о неудачно подвернувшийся камень. К положительным моментам относилось то, что его развязали и мешок с головы сняли. Едва только зрение восстановилось, лейтенант оглядел двор и понял, что это действительно конечная точка их путешествия. Обширный, хорошо утоптаный двор, окруженный каменным забором саженной высоты. К забору лепились многочисленные каменные же сараи, крытые потемневшей соломой. Самый большой сарай служил конюшней. С противоположной стороны двора стоял двухэтажный дом с такой же соломенной крышей. Только солома была поновее, более светлая. Окна в доме маленькие, даже не окна, а скорее, бойницы. Если нападающие ворвутся во двор, то в доме можно продолжить держать оборону.

Из одного сарая вышла закутанная в черные тряпки женщина, судя по медленной, ковыляющей походке – старуха. Вертевшаяся у лошадей шавка тут же бросилась к ней, радостно повизгивая. Старуха медленно согнулась и поставила на землю миску. Собачонка сразу же сунула в миску морду и начала торопливо хватать из нее еду. Причина собачьей торопливости быстро разъяснилась – на эту миску был еще один претендент. Откуда-то, Алекс даже не заметил, откуда, выскочил безрукий оборванец и, топя босыми ногами, бросился на собаку. Шавка, видя неравенство весовых категорий, благоразумно убралась в сторону. Безрукий с ходу упал на колени, каким-то чудом удержал равновесие, не завалившись на бок, и сунул лицо в собачью миску.

Проиграв прямое столкновение, собака применила обходной маневр – подобралась сзади, цапнула безрукого за ногу и тут же отскочила. Удачный ответный ход вызвал одобрительный гогот со стороны бандитов. Бросив возню с пленными, те наблюдали за разворачивающимся действием. Видимо, это развлечение было уже традиционным. От укуса безрукий взвизгнул и попытался лягнуть шавку ногой, качнулся и упал на бок. Собачонка воспользовалась моментом и цапнула инвалида еще раз. Тут к ней на помощь пришла еще и старуха. Топая ногами и что-то крича, она надвинулась на лежащего безрукого. Тот откатился в сторону, используя оставшуюся культю одной руки, встал на колени, а потом и на ноги, затем обратился в бегство. Победительница преследовала побежденного несколько шагов, после чего вернулась к честно отвоеванной миске и продолжила трапезу.

Заметив пристальный интерес Алекса к разыгравшейся сцене, один из бандитов криво усмехнулся.

– Что смотришь, офицер? Смотри, смотри. Не заплатишь, с тобой будет то же самое.

Алекс много чего хотел сказать этим мерзавцам, но благоразумие взяло верх, и он промолчал, отведя глаза. Тем временем остальные бандиты развязали обоих солдат и толкнули пленников в угол двора, где чернела круглая крышка люка. В отличие от тех ям, где лейтенанту

уже пришлось побывать, эту никто и не думал маскировать, а крышка люка была не деревянной, а железной, решетчатой. Алекса грубо пихнули в спину.

– Давай иди!

Поблизости от люка нос Алекса учуял запах человеческих испражнений. И чем ближе подвели его к яме, тем сильнее становилась вонь. В двух шагах от ямы лейтенант остановился.

– Я туда не полезу, там же нечем дышать!

Отказ офицера лезть в яму похитителей не разозлил, а скорее, развеселил. Один из них что-то сказал остальным, видимо, перевел слова Алекса, и те дружно загоготали. Однако бандитское веселье длилось недолго. Все тот же бандит, который знал русский, внезапно шагнул вплотную к лейтенанту и заорал прямо ему в лицо:

– Лезь, баран, а не то мы тебя сами скинем!

Переход от безудержного веселья к вспышке гнева был настолько неожиданным, что Алекс вздрогнул. Похитители приняли это за испуг. Магу понимал, что вряд ли похитители претворят свою угрозу в жизнь. Он – товар, а испорченный товар стоит дешевле, поэтому калечить его они поостерегутся. Вот избить могут. Не очень сильно. Краем глаза лейтенант заметил, как один из бандитов вытащил из-за голенища сапога плетку и сделал шаг ему за спину. Если продолжать упираться, то будет очень больно, а главное, его все равно сломают и запишут в эту зловонную яму. «Когда сидишь по уши в дерьме, то не стоит трепыхаться – рискуешь захлебнуться в нем». Но последнее слово Алекс все-таки оставил за собой.

– Хрен с вами!

И быстро, пока бандиты не начали действовать, шагнул к круглой черной дыре. Когда Алекс спускался вниз по самодельной лестнице, его чуть не стошнило. Тогда он начал дышать ртом. Пока следом за лейтенантом в подземную тюрьму спускались солдаты, глаза офицера понемногу обрели возможность видеть. Основными источниками вони были глиняный горшок, служивший для узников отхожим местом, и куча тряпья в углу. Бандиты подняли лестницу, лязгнув опустившийся люк, но его решетка пропускала достаточно света, чтобы ориентироваться на дне ямы.

Дурасов попробовал обследовать тряпки, но тут же ойкнул и отскочил назад.

– Что там?

– Т-тут ч-человек. – От испуга солдат опять начал заикаться.

А куча тряпок, действительно, оказалась сильно заросшим грязным человеком, неподвижно лежащим на прелой соломе. Алекс попробовал заговорить с лежащим.

– Эй, ты кто такой?

Никакой реакции. Повторный вопрос также оставил лежащего безучастным. Подойдя ближе, лейтенант заметил, что этот человек какой-то уж очень маленький. Не сразу до него дошло, что у того нет ног. «Наверху безрукий, внизу безногий. Как бы еще на безголового здесь не наткнуться».

– Здесь вода есть!

Коновал обнаружил у изголовья кувшин, значит, за инвалидом кто-то все-таки ухаживает.

– Дайте ему воды, что ли, – распорядился офицер.

Пока солдат пытался напоить безногого, Алекс обследовал яму. Холодные, каменные стены, земляной пол, местами укрытый соломой. Сама яма существенно больше и выше всех тех, в которых им уже пришлось побывать.

Исследование прервал грохот сдвигаемого люка. «Ужин принесли или хозяева пожаловали». Оказалось, и то, и другое. В яму опустили лестницу, по лестнице один за другим спустились двое. Первый из старожилков – высокий, крепкий мужик лет двадцати пяти – обернулся ко второму, который был заметно мельче и существенно старше.

– Гляди-ка, нашего полку прибыло! – и назваля: – Влад Фелонов.
Первым представился Алекс.

– Лейтенант Магу.

– Лейтенант?! – В голосе здоровяка сквозило неприкрытое удивление. Алекс стоял в тени, и поганы на его мундире разглядеть было невозможно.

Придя в себя, Влад выпрямился, одернул свою одежду и представился еще раз:

– Старший унтер-офицер Фелонов, сто четырнадцатый Текульский пехотный полк.

На этот раз пришел черед удивиться Алексу. Второй пленник оказался мастеровым по фамилии Наваскин из того же Текуля, держал слесарную мастерскую на пару с братом. Его похитили бандиты, потребовали выкуп, а брат платить отказался.

– Работы мало было, едва концы с концами сводили. Да и мастерская теперь брату достанется. Я – один, а у него семья.

С этим было все ясно, оставалось только выяснить, кем был третий – безногий инвалид.

– Рядовой Закарин, – пояснил Фелонов.

– Из нашего полка?

– Из нашего, – подтвердил догадку лейтенанта унтер-офицер. – Родственники платить отказались, вот он и попытался бежать. Поймали, выпороли. Он второй раз сбежал. Опять поймали, посадили на цепь. Так он и с цепи сбежал, да опять неудачно. После третьего побега Хамиди приказал отрубить ему ноги, сказал, что теперь он уж точно не сбежит. Только у Закарина с той поры в голове что-то повредилось, месяц почти вот так лежит. Еду на него не дают, мы с ним делимся. Теперь народу больше, с едой для него легче будет.

Разговаривая с офицером, Фелонов одновременно перевернул инвалида со спины на правый бок, заботливо подложил ему под голову сверток из тряпок. Алекса же больше интересовал другой вопрос.

– Кто такой Хамиди?

– Главарь местный, Хамиди-бей. Хитрый, сволочь. Да завтра вы и сами все увидите, когда он выкуп требовать будет.

– А почему не сегодня?

– Так нет его, – пояснил бывший унтер-офицер. – Он за вами следом идет. Если погоня будет, то они ее отсекут, а если бы кто-то из вас сбежал и обратно двинул, так опять же на него и наткнулся бы.

– Понятно.

– Я же говорю – хитрый. К тому же вы ночь в яме просидите, завтра сговорчивее будете. Кстати, господин лейтенант, у вас деньги на выкуп есть?

– Есть. И себя выкуплю, и солдат. Они по моей вине сюда попали.

– Вы, значит, богатый, – сделал вывод Фелонов.

«Ты даже не представляешь насколько», – усмехнулся про себя лейтенант. Между тем унтер продолжил свою мысль:

– Плохо это.

– Это почему? – удивился Алекс.

Фелонов чуть помедлил, потом пояснил свое высказывание:

– Хамиди и так в последнее время в силу вошел, а тут еще и с вас много денег возьмет. Оружия хорошего себе купит, к удачливому вожаку другие бандиты подтянутся, а такую ораву чем-то кормить надо, вот и будут к нам на правый берег раз за разом лезть.

На этом разговор прервался, пленникам принесли ужин. Как и старожилы, каждый из новичков отделил от своей лепешки кусок в пользу Закарина. Фелонов открывал рот безногго солдата и запихивал туда размоченный в воде кусок, тот автоматически начинал жевать. Наверху быстро стемнело, и конца этой тягостной процедуры Алекс уже не увидел. После ужина он хотел продолжить разговор, но унтер-офицер возразил:

– Господин лейтенант, завтра хозяин приезжает, у всех день тяжелый будет, надо бы выспаться. А поговорить мы еще успеем, вам тут не меньше месяца сидеть.

В этом унтер был прав, времени на разговоры будет еще много.

– Хорошо, отложим все разговоры до завтра.

Фелонов завалился в угол и быстро захрапел. Лейтенант последовал его примеру, подгреб под себя соломы, чтобы не лежать на голой земле, и завалился на нее. Под голову подложить было нечего, кроме собственной руки. Алекс закрыл глаза, но заснуть долго не мог. К царящей в яме вони он уже почти привык, мешали богатырский храп Фелонова, какое-то бормотание из угла, где расположились рядовые Дурасов и Коновал, и собственные мысли. Сколько запросит с него Хамиди, как сообщить отцу и матери о произошедшем, а главное, как отомстить бандитам за собственный позор и унижение. Так ничего и не придумав, Алекс и сам не заметил, как заснул.

Глава 2

На следующее утро пленников разбудил противный скрежет сдвигаемой крышки, завтрак прибыл. Потом увели старожиллов. Еще где-то час спустя в яму опять спустили лестницу. В люке появился силуэт головы.

– Вылезай, офицер.

Балансируя на неустойчивой жердине, Алекс добрался до люка, высунул голову наружу и с наслаждением вдохнул полную грудь чистого горного воздуха. Один из бандитов взял лейтенанта за шиворот и потащил его вверх. Мундир затрещал на швах, но с чужой помощью на поверхности офицер оказался намного быстрее.

Поднявшись на ноги, Алекс оценил окружающую обстановку. Бандитов во дворе набралось почти три десятка морд. Похоже, вся банда в сборе. Судя по веселым ромам, жаждали бесплатного зрелища, как их главарь глупого барашка в офицерском мундире стричь будет. Лейтенант сразу выделил среди них Хамиди. Невысокий, поджарый, уже немолодой. Одет куда лучше своих подручных, кинжал на поясе явно дорогой. А еще на поясе у бея висела хорошо знакомая желтая кобура. Алекс скрипнул зубами и продолжил разглядывать Хамиди, стараясь запомнить детали. Лицо смуглое, нос крючком, в черной бороде пробивается седина. А глаза цепкие, злые. Самой первой ассоциацией, мелькнувшей в голове лейтенанта, был постаревший, но все еще смертельно опасный волк.

«Ну что же, поторгуемся». Чувствуя, как в нем стремительно разгорается отчаянная злость, Алекс решительно направился к главарю. Лейтенант еще не успел дойти до места, где планировал остановиться, как Хамиди сам шагнул ему навстречу.

– Здравствуй, офицер, здравствуй, дорогой! Как тебе мое гостеприимство?

Окружавшие главаря бандиты довольно оскалились в ожидании продолжения представления. Алекс не стал их разочаровывать.

– Благодарю, бей, гостеприимством твоим вполне доволен.

Если кто-то думал, что лейтенант откажется платить и начнет грозить бандитам всевозможными карами земными и небесными, то он ошибся. Лейтенант предпочел решить проблему как можно быстрее.

– Но, может, сразу о деле поговорим?

– Почему обижаешь, офицер? Зачем сразу о деле?

Стороннему наблюдателю возмущение Хамиди показалось бы абсолютно искренним, он мог бы стать хорошим актером, если бы не был такой сволочью. Тем временем бей продолжил свою речь:

– Давай лучше о родственниках поговорим. О твоих родственниках, офицер. Я слышал, у тебя богатый отец?

– Да уж не бедный, – усмехнулся лейтенант. – Он заплатит. И за меня, и за солдат, которые со мной были. Осталось только с суммой определиться.

Это предложение вызвало бурное веселье у Хамиди и бандитов, хотя половина из них русскоязычного не понимала, но ржала за компанию. А Алекс никак не мог понять, что такого смешного он сказал. Отсмеявшись, бей смахнул с уголка глаза слезу.

– Да кто же с тобой, таким молодым, о серьезных делах говорить будет?

Алекс почувствовал, как его щеки начали приобретать цвет позднего заката. Он-то считал себя взрослым и вполне самостоятельным человеком, а по местным меркам, оказывается, он несмышленый юнец. Лейтенант добавил еще одну обиду в копилку, и без того уже полную. Тот факт, что он сам вляпался, ничуть его не смутил.

– Напишешь отцу письмо, – голос бея стал жестким, а взгляд – колючим, – пусть приедет сюда. С ним и поговорим.

У Алекса появился шанс для мелкой мести.

– Он очень большой человек, сюда не поедет.

«Он настолько большой, что тебе и не снилось. Ты, бей, привык безнаказанно воровать местных лавочников, но за похищение Алекса Магу ответить придется неизбежно». Однако смутить Хамиди таким обстоятельством не удалось, у него было готовое решение и для такой ситуации.

– Тогда пусть придет своего посредника, я буду разговаривать с ним. А ты напишешь отцу письмо, чтобы не тянул. Эй, принеси бумагу и чернила.

Получив все необходимое, Алекс выбрал камень с более или менее ровной поверхностью и начал писать. Чернила были старые, перо плохое, да и бумага не лучшего качества. Но главной проблемой были слова. Как написать отцу, что вляпался в такое дерьмо, тем более, после того скандала, который он учинил после выпуска из училища. Отец тогда, узнав о намерениях сына, просто посадил свежевypущенного лейтенанта под домашний арест и держал в доме до тех пор, пока Алекс не остыл и не одумался. Только пока остывал, лейтенант много лишнего успел родителю наговорить, в чем теперь и раскаивался. А лист всего один, унижаться и просить второй нельзя. Приблизительно через полчаса криво нацарапанные строки сложились в нужное послание. Лейтенант накарябал подпись и поднялся.

– Готово.

Один из карауливших его бандитов забрал письмо.

– Адрес...

– Не бойся, офицер, дойдет твое письмо, – успокоив таким образом лейтенанта, охранник толкнул его в направлении ямы. – Давай лезь обратно.

Возвращаться в вонючую яму не хотелось, поэтому Алекс растягивал обратный путь как только мог. Краем глаза он заметил какое-то движение в узкой щели между двумя сараями. Повернув голову, лейтенант увидел притаившегося в закутке безрукого инвалида. На пару секунд глаза их встретились, и Алекса поразила сквозившая во взгляде оборванца тоска. Один из конвоиров заметил движение лейтенанта, поднял с земли камень и запустил в безрукого. Но еще до того, как камень вылетел из руки бандита, инвалид исчез в своей щели, будто его и не было. Камень гулко ударился о стену сарая, сил на бросок бандит не пожалел.

Яма встретила офицера напряженно expectательными взглядами четырех глаз. Алекс не стал томить солдат неизвестностью.

– Письмо отцу я написал, он должен прислать посредника, который договорится о сумме и условиях передачи денег. На все про все, думаю, месяца полтора-два уйдет.

Слова лейтенанта были встречены с оптимизмом, все-таки в этой яме им придется провести месяцы, а не годы. Да и продажа в османский султанат им не грозила. Только лежащий на соломенной подстилке Закарин по-прежнему остался ко всему безучастен. Лейтенанту невольно вспомнился тоскливый взгляд безрукого инвалида наверху.

– Дурасов, дай Закарину воды.

– Будет исполнено, господин лейтенант!

– И на другой бок его переверните.

Пока рядовые возились с безногим, Алекс опустился на пол и прислонился спиной к холодной каменной стене. Кто этот безрукий и почему он так пристально на него смотрел? Кроме того, в голове роилась масса других вопросов, вот только информации для ответов на них было ничтожно мало. Оставалось только ожидать вечернего возвращения старожилы и надеяться, что от них удастся получить нужные сведения, а потом придумать реальный план мести Хамиди. А сволочное время словно специально не торопилось, испытывая на прочность терпение лейтенанта.

– Безрукий-то?

Фелонов дожевал лепешку, хлебнул из кувшина воды.

– Точно не знаю, он тут давно, говорят, чуть ли не десять лет как. Он капитаном был по фамилии Каспарич. Сюда раненым попал, когда наши еще за реку ходили бандитов гонять. Хамиди ему выкупиться предложил, только родственники платить отказались.

– Денег не было?

Унтер покосился на лейтенанта.

– Точно не знаю, но слышал, что деньги у них были. Только совести не было. Бей капитану палец отрезал и родственникам отправил. Те второй раз отказались. Каспарич второго пальца лишился, потом третьего, а уж потом и правой руки. Только родственникам на это наплевать было. Тогда Хамиди ему вторую руку отрубил и выгнал.

– Почему же он опять здесь?

– А куда ему идти? Без рук, да он еще и умом тронулся. А тут ему и Фатьма что-нибудь даст, эти объедков кинут, в крайнем случае у собаки можно еду отобрать.

– Понятно. Сам-то давно здесь?

– Да уже три года.

Какая-то ассоциация мелькнула в голове Алекса, но сейчас было не до нее. Несколько секунд лейтенант размышлял, с чего бы начать выкачивание информации, решил, что лучше с общей обстановки. Фелонов оказался настоящим кладом ценных сведений. За годы, проведенные в плену, он не только в яме сидел, но и несколько раз ходил с караванами Хамиди в качестве грузчика и погонщика лошадей. Последний факт особенно заинтересовал Алекса.

– А дорогу отсюда найти сможешь?

– Смогу. Только зачем это вам? Вас же все равно выкупят. – Унтер тяжело вздохнул и продолжил мысль: – Да и бесполезно бежать. Горных троп я не знаю, а на дороге нас охрана первого же каравана схватит.

– Потом Хамиди отдадут?

– Скорее всего, отдадут, – подтвердил опасения лейтенанта Фелонов. – Хамиди здесь многие боятся и уважают, мало кто рискнет с ним ссориться. Но он не единственный бей. Правда, если попасть к другому, то вряд ли нам станет лучше. Хамиди – еще не самая большая сволочь среди местных беев, но уж, по крайней мере, сейчас знаешь, чего от него можно ждать.

Магу потер лоб и сформулировал вопрос по-другому:

– А сюда сможешь отряд провести?

– Незаметно – не могу. Хороший проводник может скрытно провести несколько человек через горы, но его еще надо найти. Да и малыми силами сюда соваться бесполезно.

– А большими?

– Про большие вам бы Каспарич больше мог рассказать. Насколько я знаю, крови будет много, а толку... – Фелонов безнадежно махнул рукой. – Хамиди вместе с другими беями в горы уйдет, чтобы их поймать, дивизии не хватит.

– Так что же, совсем никакого решения нет?

– Есть, наверное, – предположил Фелонов, – но я всего лишь взводный унтер-офицер, а вы – лейтенант. Вас в училище обучали.

– Вот именно, я только лейтенант. К тому времени, когда стану генерал-лейтенантом и получу корпус, Хамиди давно сдохнет от старости.

С этой мыслью лейтенанта унтер согласился. Алекс поинтересовался мнением более опытного унтера еще по одному сильно волновавшему его вопросу.

– Как думаешь, посредника тут не обидят, особенно когда он деньги сюда повезет?

– Нет, – постарался развеять опасения офицера Фелонов, – посредник здесь лицо неприкосновенное, на этом вся местная торговля людьми и держится. И за деньги не волнуйтесь, доведут в целости и сохранности. Еще ни одного случая, чтобы посредника ограбили, не было.

– Хотелось бы верить, – пробормотал себе под нос Алекс.

Дальше разговор продолжился на тему местной жизни вообще. Фелонов рассказывал охотно. В течение дня поговорить ему было не с кем, а в лице Алекса Магу он нашел очень благодарного слушателя.

– В горах почти один камень, земли мало, вот и проблемы у них с продовольствием. Порядок у них такой, что все семейное имущество достается старшему сыну, а младшие после совершеннолетия могут идти на все четыре стороны. Кто-то в султанат подается, а то еще и дальше, но большинство идут в банды к таким беям, как Хамиди. Грабежом и живут.

– Теперь понятно, почему у них здесь женщин нет.

– Женщины дорого стоят, – подтвердил догадку Алекса Фелонов, – и содержать их тоже недешево. Хамиди, конечно, богатый, мог бы не одну жену иметь, но почему-то живет один.

– От коллектива не хочет отрываться, – усмехнулся лейтенант.

– Может быть, – согласился с офицером унтер. – Так что из баб здесь только стряпуха Фатьма.

– Это она эти лепешки печет?

– Она.

– Хоть бы чуть-чуть соли в тесто положила, – размечтался Дурасов.

– Ага, держи карман шире, – обломал солдата Наваскин. – Соль здесь дорого стоит, никто ее на нас тратить не будет.

Сам мастерской в плену устроился, в общем, неплохо, если не считать ночевок в общей вонючей яме. Работа у него непыльная, по большей части он занимался починкой ружейных замков, часов и прочей механики.

– Железа в местных горах нет. А если где и есть, то без древесного или каменного угля толку от него никакого. Все оружие у горцев либо трофейное, либо в султанате купленное, своего ничего нет. И людей, способных по металлу работать, тоже нет, потому меня здесь и ценят, – признавался Наваскин. – Хозяин мне даже инструмент нужный из султаната выписал.

Убедившись, что мастерской не может их слышать, Фелонов сообщил лейтенанту, что дела у мастерского вовсе не так хороши, как тот пытался представить.

– Местные бедные, как церковные мыши. Всякой механической хреновины, которая нуждается в починке, у них почти нет, хорошо, если один-два раза в неделю что-нибудь привезут. Он в своей мастерской больше вид делает, чем работает. Да и платят заказчики мало, прибыли с него почти никакой. Хамиди бы и продал его в султанат, но за такого раба ничего не дадут, а мастеров там и без него хватает.

Так и проговорили, пока Фелонов не вспомнил, что завтра их поднимут с восходом солнца. Завтра было воскресным днем, но рабам Хамиди-бея выходные были не положены.

Где-то через неделю источник информации полностью иссяк, и вечерние разговоры Алекса и Фелонова понемногу сошли на нет. Сами-то разговоры продолжались, помогая скоротать вялотекущее время, но какой-либо полезной информации извлечь из них уже не удавалось. В один из вечеров память лейтенанта неожиданно вернулась к трехлетнему сроку пребывания Фелонова в «гостях» у Хамиди. Для начала Алекс осторожно поинтересовался у унтера обстоятельствами попадания в рабы. Тот ничего скрывать не стал.

– Да с солдаткой одной познакомился. Ух, и сладкая баба была! – При этих словах Фелонов аж зажмурился и стал похож на огромного, обожравшегося сметаной кота. – Ночью к ней пошел, думал, к утру вернусь. Только через забор перелез, как меня сзади по голове и огрели. Очнулся поперек лошадиной спины, руки-ноги связаны, на голове мешок. Хамиди меня поначалу продать хотел, но потом передумал. Сами они только стрелять да людей воровать горазды, а работать не любят, вот и ездят на моей шее. – Унтер похлопал ладонью по своему мощному загривку.

– Все ясно.

Картина сложилась. Еще некоторое время Алекс раздумывал, стоит ли сообщать Фелонову плохую весть, потом решил, что держать человека в неведении все-таки не стоит.

– За два дня перед тем, как попасть сюда, я разговаривал с начальником штаба полка. Так он в разговоре упомянул, что года три назад из полка дезертировал один унтер-офицер. Вот я и думаю, это он часом не о тебе?

– А то о ком же, – расстроено хмыкнул Фелонов. – Выходит, начальство меня в дезертиры записало?

– Выходит, записало. Меньше надо было по ночам к чужим женам через забор лазить.

– Да я не в претензии, сам виноват. Но все равно обидно.

После этих слов унтер окончательно замолчал. И спать завалился, так и не сказав больше ни слова.

Потянулись длинные унылые дни, когда ничего выдающегося из повседневной рутины не происходило. Опостылевшие черствые и пресные лепешки по утрам и вечерам. Все так же Фелонова и Наваскина утром уводили на работу, а вечером возвращали обратно. Сидящие в яме завидовали им, почти целый день те проводили за пределами зловонной ямы. Все так же лежал на соломенной подстилке безучастный ко всему Закарин, забота о котором была, по сути, единственным занятием для сидевших в этом подземелье. Сначала Алекс пытался строить планы мести Хамиди, хотя прекрасно понимал, что они иллюзорны и невыполнимы. Зато эти планы позволяли не упасть окончательно духом, поддерживая надежду на скорейшее освобождение. А потом он придумал еще один план, показавшийся ему вполне реальным, оставалось только дожидаться отцовского поверенного.

В один из однообразно привычных дней – лейтенант уже не был уверен, что не сбился, отсчитывая текущую дату, – где-то после полудня люк неожиданно открылся во внеурочное время, и сверху спустилась лестница – толстый дрын с набитыми поперек дощечками.

– Вылезай, офицер, – засмеялись наверху. – К тебе приехали!

Осторожно, балансируя на неустойчивой лестнице, Алекс полез наверх. Едва голова его оказалась над люком, как он мгновенно ослеп от солнечного света. Зажмурившегося лейтенанта подхватили за шиворот и буквально выдернули из ямы. Появление офицера было встречено новым приступом смеха. Радость похитителей была вполне понятна, чувствовали, сволочи, близкую поживу.

Алекс осторожно приоткрыл глаза, зрение понемногу начало восстанавливаться. А вот и гость! Приехавшего он уже видел несколько раз в доме отца. Невзрачный серый человечек приблизился семенящей походкой к лейтенанту и скрипучим голосом представился:

– Доктор Лисово, поверенный в делах вашего батюшки.

Если фамилия поверенного соответствовала роду его деятельности – именно он улаживал все щекотливые дела семейства Магу, то внешность – нет. Он был похож на крысу, когда надо – осторожную, когда надо – наглую и всегда готовую кинуться на защиту интересов хозяйина.

– Вы тут поговорите, – милостиво разрешил Хамиди-бей, – только недолго.

Бандиты оставили их вдвоем, но далеко не отошли, следили взглядами, не выпуская оружия из рук.

– Как ваше здоровье, господин Магу? – вежливо осведомился поверенный.

– Вы, господин Лисово, доктор медицины или права?

– Извините, доктор философии. Был в моей биографии и такой период.

– Тогда к черту здоровье! – вспыхнул Алекс. – Сколько запросил Хамиди?

– Двести тысяч.

Кривая усмешка исказила губы Алекса, двести тысяч для местных – сумма фантастическая, но Хамиди просто не понял, кто попал к нему в руки! Он мог бы затребовать и два миллиона, один по крайней мере получил бы точно. Крысообразный правильно истолковал гримасу младшего сына хозяина.

– Тс-с-с! Мы сторговались на ста восемнадцати тысячах.

Молодец, крыса! Почти вдвое уменьшил сумму выкупа, отец знал, кого сюда посылать. Наверняка за процент от выторгованного работает. Алекс посмотрел на Лисово уже совсем другими глазами.

– Это только за меня или за всех?

– За всех, естественно, вы и два солдата.

– Отлично. А сейчас слушай меня – пойдешь к Хамиди и скажешь, что я хочу внести выкуп за всех оставшихся у него пленников.

Если Лисово и удивился, то виду не подал. Во всяком случае, ни один мускул не дрогнул на вытянутой мордочке поверенного в делах. Алекс тем временем продолжил:

– В этой яме сидят еще трое. Солдат – безногий инвалид, унтер-офицер и мастерской-оружейник. Есть еще сумасшедший офицер. Мне нужны все четверо, пусть назовет сумму. Можешь поторговаться, но не очень рьяно, мне нужны все. Понял?

– Не извольте беспокоиться, господин Магу.

Лисово засеменил к Хамиди, тот с интересом выслушал его, что-то сказал своим бандитам, и те встретили слова главаря взрывом хохота. После недолгого разговора бей кивнул, и поверенный отправился обратно. Приблизился к Алексу со скорбным выражением на остренькой мордочке и сообщил:

– За мастера и унтера он хочет десять тысяч, двоих инвалидов отдает бесплатно. Может, оставим оружейника? Стоит он дорого, а толку от него...

После секундного раздумья лейтенант отверг идею поверенного:

– Нет, всех так всех. Все, что срежешь от десяти тысяч, – тебе.

– Обычно я работаю за пять процентов.

– Лучше тебе, чем ему.

– Но...

– Считай, что это слово моего отца.

Глазки Лисово зловеще блеснули.

– Вдвое срежу!

Поверенный поспешил на переговоры, а Алекс уважительно посмотрел ему вслед. Как обманчива бывает внешность! Эта крыса за свои деньги Хамиди глотку перегрызет. Жаль только, что в переносном смысле. Да-а, выходит, недооценил папиного посланца. Считал себя хитрецом, а эта кры... Нет, так его называть не стоит, хоть и похож, сильно похож. Так вот, поверенный без труда расколол его, мгновенно вычислил, что в этой четверке пленников молодого хозяина интересует именно унтер-офицер Фелонов, а оружейный мастер и инвалиды только прикрытие. Хамиди так даже и не почесался на эту тему! Знал бы он, зачем Алексу нужен этот пленник, немедля зарезал бы обоих, наплевав на все деньги мира.

Лейтенант воспользовался случаем подышать свежим воздухом, не испорченным запахом человеческих испражнений. Подставил лицо лучам позднего осеннего солнца. Заодно осторожно, стараясь не привлекать внимания, осмотрел двор, постройки, подходы к жилому дому. Высокий забор не давал возможности осмотреть окружающую местность, но горы вокруг Алекс постарался запомнить. Карта – хорошо, память Фелонова – еще лучше, но и собственной голове тоже забывать не следует. Лейтенант знал, что он еще вернется сюда, обязательно вернется, вот тогда и потребуются эти ориентиры.

Между тем торг шел отчаянный. Слова не разобрать, но жестикауляция торгующихся видна отлично. Хамиди трижды хватался за свой кинжал, один раз даже наполовину выта-

щил из ножен, но маленький серый человечек пугаться не собирался и твердо стоял на своем. Лисово, в свою очередь, трижды делал вид, что собирается уйти, указывал пальцем куда-то вверх, хватался за сердце, только еще по земле в истерике не катался. Собравшиеся вокруг своего бея бандиты наблюдали за разворачивающимся действием с огромным интересом. Со стороны казалось, еще немного, и они аплодировать начнут. Но аплодисментов Лисово так и не дождался. Наконец, бей махнул рукой и что-то сказал своим бандитам, те дружно заржали. А поверенный уже спешит обратно.

– Четыре тысячи семьсот. – Лисово произнес эту цифру с такой кисло-виноватой миной, что у любого стороннего наблюдателя непременно сложилось бы мнение, что он сообщает хозяину крайне огорчительное известие.

– Отлично. – Алекс постарался подыграть поверенному и грозно нахмурился. – Когда привезут деньги?

– Сюда ничего не повезут.

Алекс не смог сдержать своего изумления. Лисово тут же разъяснил ситуацию:

– Хамиди потребовал, чтобы деньги перевели в бритунийские паунды и отправили в один из османийских банков.

Вот об этом-то Алекс не подумал. Кто же потащит сюда, в горы, такую массу золота?! Интересно, это обычная практика или Хамиди это по ходу придумал. Черт, надо было такие вещи заранее узнавать, а не по бабам в Текуле шляться! Весь сложившийся план полетел к черту.

– Перевод денег будет осуществлен быстро, – продолжил поверенный, – но подтверждающие письма будут доставлены не скоро. Я полагаю, от десяти до пятнадцати дней. Дорога сюда, вы понимаете... Вас что-то беспокоит?

Похоже, Лисово читал лицо Алекса, как открытую книгу. Надо бы научиться сдерживать свои эмоции.

– Перевод выкупных денег в османийские банки – это обычная практика или самостоятельность Хамиди?

– Где-то до середины прошлого года золото везли сюда, теперь многие беи требуют перевода в банки.

– Но не все?

– Не все, я об этом специально узнавал, некоторые верят только наличным. Хамиди начал практиковать безналичный перевод денег около восьми месяцев назад, поэтому мы были заранее готовы к таким условиям.

«Это сколько же семейных тайн Магу скрывается в этой узкой серой головке?! И всего за пять процентов! Отлично, кры... Извините, доктор Лисово. Десять, надо бы давать вам десять процентов, вы их честно заслужили».

На этом переговоры закончились. Поверенный пообещал прибыть с нужными бумагами недели через две. Алекс нехотя спустился обратно в зловонную яму. Еще спускаясь, он ощущал на спине обжигающие, ждущие взгляды двух пар глаз. Поэтому томить людей не стал, едва ступив на земляной пол, объявил:

– Все в порядке, через две недели будем у своих.

Один из солдатиков в голос завыл. Пока тяготела неизвестность – еще кое-как держался, когда пришли хорошие вести и стал известен срок оставшегося заточения – сломался. Второй, психически более крепкий, начал его успокаивать. Лейтенант придвинулся к лежавшему в углу человеческому обрубку.

– Закарин, слышишь меня? Нас всех выкупают, тебя тоже. Закарин, через две недели ты будешь на свободе. Я помогу тебе в инвалидный дом устроиться. Все будет хорошо, солдат, все непременно будет хорошо...

Безногий солдат ничего не ответил. Из его глаза скатилась одинокая слезинка, тут же увязшая в многомесячной щетине, но Алекс этого не увидел в темноте.

Перед наступлением темноты вернулись Фелонов с Наваскиным, новости они уже знали. Оружейник упал перед офицером на колени.

– Неужто правда, господин лейтенант?!

– Правда. Еще две, максимум три недели.

– Я знал, я знал, я верил, Господи, четыре года, четыре года...

Наваскин пытался поцеловать Алексу руку, тот с трудом избежал этого. С помощью солдат расклеившегося в преддверии долгожданной свободы мастерового удалось отвести в угол ямы и там усадить на прелую солому, а он все что-то продолжал бубнить себе под нос. Фелонов повел себя по-другому.

– Чего не весел, Влад? – обратился к нему Алекс. – Скоро свобода.

– Это вам, господин лейтенант, свобода, а меня опять в кутузку упекут.

– За что?

– Так ведь в полку меня дезертиром объявили. Вы же сами мне и сказали.

– Но ты же не дезертир!

– Вот и будут разбираться, дезертир я или не дезертир, а меня на полковую гауптвахту посадят. А уж сколько это разбирательство будет длиться...

– Не унывай, – лейтенант с наигранной бодростью хлопнул Фелонова по плечу, – с гауптвахты я тебя вытащу быстро, ты мне нужен. Ты веришь мне, унтер-офицер Фелонов?

Влад невольно подтянулся, расправил плечи, не забылась многолетняя выучка.

– Верю, господин лейтенант!

И тихо, так, чтобы не услышал офицер, пробормотал себе под нос:

– А что мне еще остается.

Опять потянулись серые, однообразные дни. Фелонова с Наваскиным по-прежнему каждый день гоняли на работу. Все так же, без движения, безразличный ко всему, лежал в углу Закарин. Кормившие инвалида солдаты время от времени переворачивали его с боку на бок, чтобы не было пролежней. Оружейник отмечал прожитые дни царапинами на камне. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Немой вопрос буквально висел в воздухе, но задать его лейтенанту никто пока не решился. А самому Алексу нечего было сказать им, в данном случае от него ничего не зависело. Как и все, он мог только ждать.

Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Атмосфера в яме сгустилась. На восемнадцатый день наступила разрядка. Откинулась решетка, закрывавшая путь к свободе.

– Вылезайте, бараны, за вами приехали.

Алекс поднялся наверх первым. Во дворе уже стояла телега, запряженная мелкой, худой лошадкой. Бородатый возчик в традиционной местной одежде и с кинжалом за поясом от бандитов отличался только отсутствием огнестрела. Возле телеги вертелся поверенный Лисово. Завидев лейтенанта, выбирающегося из ямы, кинулся помогать.

– Извините, господин Магу, торопился, как мог. Но с этой телегой, по горам...

Винить рассыпающегося в извинениях поверенного за опоздание было глупо, а за предусмотрительность так и похвалить можно. Алекс о телеге для транспортировки инвалидов сообразил только после отъезда поверенного, но тот, к счастью, и сам догадался.

Остальные по неустойчивой лесенке вылезали еще долго, потом медленно и осторожно, пропустив под мышками веревку, вытаскивали из ямы Закарина. Увидев дневной свет, он опять заплакал, все так же молча. Его на руках отнесли к телеге и осторожно положили на свежую солому.

Со стороны одного из сараев долетели какие-то крики, внутри явно шло какое-то веселье. Почуввав, что без Каспарича там не обошлось, лейтенант кинулся к воротам. Следившие за

пленниками бандиты не стали его останавливать, какой смысл офицеру бежать, если их всех и так отпускают, а сам Хамиди был в доме. Предчувствия не обманули Алекса. Сумасшедший капитан забился в какую-то щель. Бандиты, не желая пачкать об него одежду и руки, кололи несчастного кинжалами, чтобы выгнать наружу, но тот только закрывался руками и тонко верещал, как заяц, что вызывало у горцев очередной приступ хохота. Стоило ему немного успокоиться, как кто-нибудь из мерзавцев опять пускал в ход свой кинжал.

– Прекратить!

Бандиты невольно шарахнулись от лейтенантского рева, а капитан еще глубже забился в свою щель. Элементарная осторожность оставила лейтенанта в не самый подходящий момент.

– Вон! Все вон!

На этот раз командирский голос не подействовал. Один из бандитов ощерился, перехватил кинжал и двинулся прямо на лейтенанта. Остальные начали охватывать офицера с флангов, отрезая его от выхода. Алекс невольно попятился, но буквально через три шага уперся спиной в каменную стену. Обшарив взглядом окружающее пространство, лейтенант убедился, что ни палки, ни камня в доступной близости нет. Страх не было, только мысль о том, что глупо будет умереть буквально на пороге освобождения.

Со стороны входа, оставшегося сбоку от бандитов, прозвучал негромкий вопрос на незнакомом языке. Все замерли, потом некоторые спешно попрытали кинжалы. Только один, тот, который двинулся на Алекса первым, начал что-то быстро доказывать стоявшему в дверях Хамиди-бею, периодически тыкая в направлении лейтенанта своим кинжалом. Бей терпеливо выслушал эмоциональную речь своего подручного, затем бросил короткую фразу, повернулся и пошел к дому. Следом за ним потянулись остальные бандиты. Некоторые недовольно ворчали, но ослушаться никто не посмел. Последним, недовольно сверкнув глазами на офицера, ушел самый эмоциональный и недовольный.

Оставшись наедине с Каспаричем, Алекс приступил к уговорам:

– Не бойтесь, капитан, пойдите со мной, вас отвезут домой...

На эти уговоры потребовалось больше получаса. Хамиди-бей пришел еще раз, чтобы узнать причину задержки. Узнав, почему вонючие русские до сих пор не убрались с его двора, только плюнул и вернулся в дом, вмешиваться не стал.

Приобняв боязливо съжившегося капитана за плечи, Алекс подвел его к телеге, Фелонов и солдаты помогли ему взобраться на нее.

– Садитесь и вы, господин Лисово.

– Что вы, как можно? Лучше я пойду пешком, а вы...

– Садитесь, пешком пойду я.

В голосе лейтенанта прозвучали фамильные нотки Магу, и поверенный счел за благо подчиниться.

– Поехали.

Створки ворот пропустили телегу и пятерых идущих пешком вонючих оборванцев. Даже шикарный мундир лейтенанта Магу, пошитый из дорогого «генеральского» сукна, пришел в плачевное состояние. Рядовые Дурасов и Коновал выглядели еще хуже, а обноски Фелонова и Наваскина и одеждой-то назвать было стыдно. За ними верхом выехали два бандита – одновременно конвой и почетный эскорт до реки.

– Фелонов, по дороге есть место, где мы можем привести себя в порядок?

– Да, там у местных что-то вроде постоянного двора. Только вода там ключевая, а согреть нечем.

Алекс ускорил шаг и догнал еле ползущую телегу.

– Доктор Лисово, надеюсь, у вас есть деньги для оплаты услуг местного отеля?

– Конечно. Я и одежду для вас припас. И не только для вас.

– С вами приятно иметь дело, доктор Лисово.

– Благодарю, господин Магу.

До обещанного поверенным постоялого двора добрались после полудня следующего дня. Здесь, как смогли, обмылись холодной водой и переоделись. Больше всего возни было с Каспаричем. Сумасшедший офицер воспринял мытье как очередное издевательство, скулил и пытался спрятаться, пришлось удерживать его силой. Глядя на эту сцену, Алекс только сжимал челюсти.

На следующий день, уже ближе к вечеру, перед путниками открылась долина Темерюка. Сопровождавшие пленников бандиты, решив, что их миссия окончена, развернулись, и только поднятая лошадиными копытами пыль напоминала об их присутствии. Молчаливый бородастый возчик довез их до самого берега реки. С разгрузкой помогать не стал, затем получил от Лисово остаток оговоренных за доставку денег, хлестнул свою лошаденку и был таков.

Между пленниками и свободой оставалось всего-то сотня саженей. Но это были сто саженей текущей воды. Алекс осторожно попробовал рукой холодную осеннюю воду.

– И как переправляться будем?

Как оказалось, Лисово все продумал заранее. У него была договоренность с рыбаками из расположенной на руоссийском берегу деревни.

– Надо будет только утром им сигнал подать, – пояснил поверенный. – Там и телеги до Текуля можно будет нанять.

Заночевали у самой реки. Костер, чтобы не привлекать лишнего внимания, разводить не стали, и ночью все сильно мерзли. Утром долго искали место переправы. Потом едва докричались рыбаков с руоссийского берега. Те, увидев, кого судьба привела к их реке, от денег за переправу отказались. Глядя, как Закарина укладывают в узкую, провонявшую рыбой лодку, старший из рыбаков – крепкий, коренастый мужик лет сорока – заявил:

– Что же у меня совсем совести нет, за эдакое дело еще и деньги с людей брать.

Каспарича пришлось долго уговаривать сесть в лодку. Сумасшедший инвалид боялся даже приблизиться к воде, а применять к нему силу Алекс запретил категорически. Наконец, хлопая сапогами, Фелонов оттолкнул от берега последнюю лодку и запрыгнул в нее сам. Лодка качнулась, едва не черпнув воды, рыбак налег на весла, и посудина устремилась к столь желанному левому берегу Темерюка. Еще несколько минут, и нос лодки стукнулся о хлипкую деревянную пристань.

– Прибыли.

Встреча с родным берегом протекала по-разному. Наваскин упал, раскинув руки, целовал траву и плакал, плакал, не стесняясь своих слез, проклинал проведенные в плену годы. Солдаты молились, Фелонов просто осел на землю как подкошенный.

– Дошел, дошел все-таки.

Алекс, не вмешиваясь, ждал, пока схлынут у людей эмоции. Надо было еще выгрузить Закарина и уговорить Каспарича выйти на берег. К лейтенанту приблизились поверенный Лисово со старшим из рыбаков.

– Вы, господин офицер, сегодня у нас оставайтесь, отдохните. А завтра мы вас до полка довезем. Тут недалеко. Если на зорьке выехать, к обеду будете.

Лисово поддержал предложение рыбака.

– Хорошо, – согласился лейтенант, – остаемся.

Счастливое избавление от плена, как полагается, отметили. Алекс решительно накрыл ладонью глиняную кружку. Разливавший самогон деревенский староста решил, что офицера не устраивает качество предлагаемого напитка, и принялся уверять:

– Да вы, господин офицер, не извольте беспокоиться, самогонка у нас хорошая, молоком очищенная, утром ничего и не почувствуете.

– Я не поэтому, – возразил Алекс, – просто не хочу. К тому же день завтра будет тяжелый. Я вот лучше квасу выпью.

Дурасова пришлось малость придержать, остальные военные прекрасно понимали, что завтра им предстоит встреча с полковником Верновым, и драконить командира полка несвежим выхлопом никто не хотел. Наваскина же никто и ничто не держало, из-за стола его пришлось выносить, а от утренней головной боли не спасла даже очистка. Рано утром его растолкали, посадили на телегу, где он благополучно заснул и проспал до самого Текуля.

Весть о возвращении пленников долетела до штаба Текульского полка, когда две телеги с ними проползли едва ли половину пути, и особого восторга ни у кого не вызвала. Полковник Вернов ходил чернее тучи, штабные офицеры, кто мог, нашли себе занятие за пределами штаба, остальные прятались по своим кабинетам. Только часовой, охранявший знамя полка и денежный ящик, неподвижно застыл напротив входа, боясь шевельнуться и получить на полную катушку от разгневанного комполка.

– Едут!

Штабной адъютант влетел в двери, едва не столкнувшись с полковником, и еле успел обратиться с пути начальства, решительно двинувшегося на выход. Две телеги с бывшими пленниками как раз въезжали в ворота полкового двора. Встреча произошла напротив штабного крыльца.

– Явились? – голос Вернова был полон сладкого яда. – Сми-ирно! И где же остальные ваши солдаты? Где, я вас спрашиваю? Как вы посмели сдать в плен этим бандитам? Про честь российского офицера напрочь забыли!

Все это обрушилось на Алекса, едва спрыгнувшего с телеги на землю. Такой встречи он не ожидал и в первые секунды растерялся. Полковник продолжал бушевать, а сзади раздались чьи-то всхлипывания. Не выдержав, лейтенант обернулся. Каспарич, пытаясь найти укрытие, забился под телегу и там тихо плакал. Фелонов и солдаты застыли в уставной стойке, боясь шевельнуться, Закарин безучастно лежал в телеге. Разбуженный криком полковника Наваскин хлопал глазами и пытался понять, где он находится и почему на него орут. Лисово исчез из поля зрения, как будто его с ними и не было.

Отрешившись от воплей командира полка, Алекс оглядел место действия. Полковой двор был практически пуст. Сам полковник, его адъютант, несколько офицеров, часовой в полосатой будке у ворот, бывшие пленники и привезшие их рыбаки. Больше никого не видно, но лейтенант не сомневался, что за темными окнами штаба и других полковых построек прячется немало любопытных глаз. Плевать на все, эту безобразную сцену надо было как-то заканчивать. Сжав кулаки, но продолжая держать руки по швам, лейтенант шагнул к полковнику. Тот стоял на пару ступенек выше, и Алекс уже прикинул, как врезать кулаком в эту волевою полковничью челюсть, чтобы тот наконец заткнулся, чтобы в кровь, чтобы выбитые зубы разлетелись по ступенькам, чтобы...

В полковой двор влетела карета, запряженная восьмериком, часовой, стоявший в полосатой будке у ворот, и рта раскрыть не успел. Никто в Текуле не смел запрягать в карету более лошадей, чем сам городской голова, а тот обходился четверкой. Мог бы и больше, но предпочитал не выделяться на общем фоне. Кучер лихо осадил лошадей, карета замерла рядом с телегами рыбаков. Поднятая пыль осела, и понимающим людям стало ясно, что данный выезд обошелся владельцу раз в двадцать дороже, чем тому же городничему. Лошади, карета на стальных рессорах, кучер на облучке, все было покрыто слоем пыли, указывающим на длительность нахождения в пути.

Все замерли, даже Вернов замолчал, не зная, что произойдет дальше. Дверца кареты распахнулась, и из нее, придерживая узкую, длинную юбку, выпорхнула красивая молодая дама в шикарном дорожном костюме. Ни на кого не обращая внимания, она стремительно преодолела небольшое расстояние от кареты до лейтенанта Магу и, никого не стесняясь, повисла у него на шее.

Через окно одного из штабных кабинетов за этой сценой наблюдали два офицера – толстый, одышливый и потливый штаб-капитан, дотягивающий служебную лямку до скорой пенсии, и молодой, не более пары лет, как из училища, лейтенант, еще не утративший молодого задора и служебного рвения.

– Мамаша Магу пожаловала, – констатировал штаб-капитан, – очень вовремя.

– Я бы поставил на старшую сестру, – высказался лейтенант.

– Ставь, только проиграешь.

– Уверен?

– Ирен Магу, урожденная Тизель. Лет двадцать назад, когда я был еще кадетом, вся светская хроника была забита известиями с бала по поводу ее двадцатипятилетия, она тогда чудо как хороша была. Во всех газетах и журналах были ее портреты. Шумиха не стихала недели две.

– А и сейчас еще ничего, старушка, – оценил женские достоинства дамы лейтенант, – очень даже ничего.

– Да, почти не изменилась, – подтвердил штаб-капитан.

В его голосе проскользнула тихая печаль, но озабоченный лейтенант не обратил на нее внимания.

– Уж я бы с ней...

– Заткнись, – оборвал оборзевшего юнца штаб-капитан. – Ты с Ирен Магу?! Только приблизься, и он сделает с тобой то, что ты хотел сделать с ней.

Из кареты уже выбрался высокий, несколько полноватый господин, водрузил на голову пренебрежительный атрибут своего рода деятельности и чуть спешным, но не нарушающим банковского достоинства шагом приблизился к жене и сыну.

– Похоже, мы прибыли вовремя. Здравствуй, сын.

– Папа!

Никто не рискнул вмешаться в эту встречу родственников.

– Я сейчас.

Виктор Магу оторвался от сына и сделал знак приблизиться полковнику Вернову. Вспомнив, кто именно зовет его, командир полка вынужден был смирить гордыню, но зарубочку на память сделал. О чем они говорили, никто не слышал, зато все хорошо видели, что офицеру этот разговор сильно не нравится. Однако он через силу кивал, соглашаясь с собеседником. После разговора банкир вернулся к жене и сыну.

– Полковник дает тебе трехдневный отпуск...

– Но, папа, со мной люди. Я обязан...

– Господин Лисово!

– Я здесь.

Поверенный материализовался в паре шагов от хозяина и почтительно выслушал указания. Вот и все, Каспарич и Закарин будут устроены в местную больницу, потом им подыщут приличные инвалидные дома. В таком деле на господина Лисово можно было положиться. Остальные оставались в компетенции полковника Вернова. Кроме Наваскина, конечно, этот был предоставлен самому себе.

– Спасибо, папа.

– А у тебя трехдневный отпуск, и я настаиваю, чтобы ты провел эти три дня с матерью. Я целую неделю не мог сказать ей, что с тобой случилось, но она почувствовала сама. Мы бы здесь и дольше задержались, но сам понимаешь – дела.

Когда карета с воссоединившимся семейством Магу покинула полковой двор, полковник Вернов вернул наконец власть в свои руки. По возвращении Алекса ждал большой сюрприз, но следующие три дня он пребывал в счастливом неведении, отдыхая от событий последних месяцев в лучшей гостинице Текуля, где бережно сохранили все вещи столь внезапно пропавшего постояльца.

Вечером третьего дня между отцом и сыном произошел решающий разговор.

– Может, все-таки оставишь службу? Хоть о матери подумай.

– Нет, не могу. Сейчас не могу. А мама – сильная женщина, она поймет.

– Если не хочешь уходить в отставку, могу устроить перевод в столицу. Я уже...

– Папа! С таким пятном на репутации в столицу? Благодарю покорно. Лучше помоги мне разобраться с местными проблемами.

– Ты уверен, что действительно этого хочешь?

– Да, папа, уверен.

– Ну, хорошо. И что тебе для этого потребуется?

– Многое. И не только деньги, хотя и деньги тоже. Во-первых, мне потребуются некоторые услуги твоего поверенного...

Минут через сорок старший Магу подвел итог состоявшегося разговора:

– Хорошо, ты получишь все, что требуется, но обещаю тебе, что после того, как все это закончится, ты подумаешь о переводе в столицу.

– Обещаю, папа.

– Я очень жалею, что отпустил тебя в военное училище. Если бы ты выбрал юридический факультет, то я был бы спокоен за наше семейное дело.

– Но Донат вполне справляется. и, насколько я знаю, ты им вполне доволен.

– Твой старший брат умный и образованный финансист, но характер у него материнский – мягковат. К сожалению, в мире банковского бизнеса этого недостаточно, еще требуется особая хватка.

– Умение расчетливо ухватить конкурента за горло и хладнокровно удавить его, – предположил Алекс.

– Ты настоящий Магу! – рассмеялся банкир.

Потом он поднялся с кресла, подошел к шкафу и вытащил оттуда тяжелый дорожный саквояж. Поставил его на стол, открыл и извлек из него большую кобуру желтой кожи. Явно не пустую.

– «Гранд и Стетсон», сорок пятый калибр, – мгновенно опознал содержимое Алекс. – Три месяца назад, после выпуска, ты подарил мне такой же. Я верну его, обещаю.

– Лучше сам вернись, сынок, – тихо попросил банкир.

– Что вы о себе возомнили, лейтенант?

Полковник Вернов бушевал уже минут десять и понемногу начал выдыхаться. По крайней мере трижды он уже повторился в характеристике служебных и человеческих качеств лейтенанта Магу, чего в предыдущие девять минут не наблюдалось.

– Вы полк, слышите, полк опозорили! Ваши подчиненные погибли, а вас, как молодого барашка, сначала связали, а потом продали папочке! Ни один офицер Текульского полка не попадал в плен к бандитам! Вы – первый, лейтенант!

Конечно, надо было промолчать, но какой-то черт дернул Алекса за язык.

– Осмелюсь напомнить, господин полковник, капитан Каспарич...

Лейтенанту показалось, что рожа полковника сейчас лопнет по багровому шраму.

– Молчать! Каспарич попал в плен, будучи раненым и во время боя! Не смей! Не смей упоминать об этом! Я тогда полком не командовал!

Вообще-то Текульский пехотный считался молодым полком. Сформирован он был в преддверии нашествия не в меру шустрого полководца, подмявшего под себя почти всех западных соседей Руоссии и опрометчиво рискнувшего попробовать свои силы на руоссийском оселке. После того, как наглеца сначала разбили, а потом еще и добились, полк был переведен на южную границу империи и стал именоваться Текульским. Граница по Темерюку тогда была

только-только установлена. Племена, которые прогнали с левого берега, ушли в горы, а там и без них был переизбыток народа. Время тогда было горячее, через Темерюк переправлялись банды численностью не в одну сотню человек, а перестрелки случались по нескольку раз за ночь, и их за происшествие никто не считал. В те дни всякое случалось, но с тех событий прошло уже больше пятидесяти лет, и они основательно подзабылись.

– Вы же ухитрились нарушить все инструкции, потеряли не только людей, но и пакет с секретной почтой! И после всего этого у вас еще хватает наглости просить назначения на командную должность?!

На несколько секунд полковник замолчал, словно ожидая подтверждения абсурдных претензий глупого лейтенантишки. Не дождался. Он и сам не знал, что дальше делать с лейтенантом Магу. Его нельзя было выгнать из полка, нельзя было дальше держать при штабе, нельзя было отправить в роту, нельзя было обидеть... И тут на Вернова нахлынуло внезапное озарение.

– Лейтенант Магу, отправляйтесь на полковую гауптвахту!

Алекс ожидал чего угодно, но только не этого, потому и изумления скрыть не смог:

– Вы меня арестовываете? За что?

Порадовавшись ошарашенной роже наглого юнца, Вернов удивил его еще больше.

– Я не сажаю вас на гауптвахту, а назначаю ее начальником.

Прошло не меньше пяти секунд, прежде чем Алекс догадался закрыть рот. Формально все было правильно. Ни в одном уставе не было сказано, что офицер не может быть назначен на должность начальника полковой гауптвахты. Но по традиции на эту должность назначали какого-нибудь зверообразного унтер-офицера или фельдфебеля, способного отравить жизнь на «губе» любому, даже самому заядлому арестанту. К тому же охраняли арестованных солдаты из инвалидной команды, куда списывали всех непригодных к строевой службе. Поэтому фактически приказ полковника был оскорблением.

Бросить полковнику перчатку? Вернов не примет и будет прав. А скандал будет такой, что и папа не поможет. Написать рапорт и уйти, хлопнув дверью? Тоже не выход. Скорее всего, именно этого от него и ждут. «Не дождутся», – решил Алекс. Он чувствовал, как внутри поднимается волна холодной ярости. Лейтенант и так стоял по стойке «смирно», но тут постарался вытянуться еще больше и четко произнес:

– Есть принять полковую гауптвахту!

Полковник Вернов не сдержал злорадной ухмылки.

– Приказ будет готов сегодня же, завтра в восемь ноль-ноль начнете прием дел.

– Есть!

– На сегодня свободны, лейтенант.

– Есть, господин полковник!

Самый строгий строевик не смог бы придаться к повороту «кругом», исполненному лейтенантом Магу. Грохоча сапогами по крашеным доскам пола, Алекс двинулся к выходу из кабинета, но буквально в дверях был остановлен командиром полка:

– Лейтенант, постарайтесь поменьше шляться по расположению полка, а в штаб полка вы можете войти только в случае самой крайней необходимости.

– Есть, поменьше шляться!

Алекс аккуратно закрыл тяжелую старомодную дверь кабинета. Пересек приемную под осуждающим взглядом адъютанта и только в безлюдном коридоре дал волю эмоциям. Оштукатуренная кирпичная стена в нокаут не отправилась, на встречу с лейтенантским кулаком она вообще никак не отреагировала, а Алекс едва не вскрикнул от боли, на сбитых костяшках выступила кровь. Боль отрезвила. Лейтенант намотал на кулак носовой платок, чтобы остановить кровотечение. Спустившись на первый этаж, он автоматически отдал честь полковому знамени и вышел с территории полка, где отныне его соглашались только терпеть.

Это был конец, тупик. С должности начальника гауптвахты до Хамиди не добраться. Может, все-таки уйти в отставку, нанять компанию храбрых парней и... Бесполезно. На такую авантюру отец денег не даст. Да и что можно сделать малыми силами? Тут нужна поддержка мощной государственной структуры, то есть армии, а потому в отставку уходить было нельзя. Но и что делать дальше, лейтенант тоже не знал.

Впереди замаячило знакомое здание, где Алекс провел пару веселых вечеров и бурных ночей. Зайти туда и утопить все проблемы в вине, а потом расслабиться с веселыми и ласковыми девочками мадам Жаклин? Сразу с двумя. И пусть по причине раннего времени они еще спят, ничего, ради Алекса Магу проснутся. Но ноги сами пронесли лейтенанта мимо. Еще один соблазн поджидал молодого офицера у входа в гостиницу. Ресторан только-только открылся. Швейцар гостеприимно распахнул массивную дверь. Зайти, напиться и забыться? Лейтенант махнул на все рукой, вошел и выбрал стол у окна, откуда открывался вид на единственную мощеную улицу Текуля.

Тут же подскочил официант.

– Чего изволите?

– Водки, и побольше.

– А на закуску?

Лейтенант прислушался к голосу своего желудка.

– Салат из свежих овощей, отбивную с картошкой и укропом...

Перечисление заказанных блюд внезапно завершилось мыслью: «А кто-то в это время давится пресной лепешкой, сидя в вонючей яме».

– Стой! – остановил Алекс уже уходящего халдея. – Водку вычеркни, а все остальное неси.

После обеда на новое место службы Алекс отправился не сразу. Вспомнив рекомендацию Кавелина, лейтенант узнал дорогу к заведению госпожи Сетниковой. Место, действительно, оказалось очень удобным. И до центральной улицы Текуля недалеко, и до расположения полка минут десять ходу. Невысокий забор, скорее, обозначал границы участка, чем служил препятствием для лихих людей. Небольшой двухэтажный дом скрывался в зелени разросшихся крон деревьев. Судя по свежей побелке и аккуратно отсыпанной дорожке, ведущей к массивной темной двери, дела у владелицы шли неплохо.

Дверь была не заперта, но, чтобы не разыскивать хозяйку в незнакомом здании, Алекс дернул свисавший сверху шнурок с кисточкой, где-то внутри едва слышно забренчал колокольчик. Не успел лейтенант протянуть руку, чтобы дернуть шнурок еще раз, как тяжелая дверь не спеша отворилась. Средних лет женщина, судя по белому переднику – горничная, вежливо поинтересовалась:

– Что будет угодно господину офицеру?

– Мне будет угодно поселиться в вашем заведении.

– У нас как раз есть пара свободных комнат, – женщина посторонила, пропуская Алекса, – проходите на второй этаж, там кабинет Аврелии Архиловны.

Купеческая вдова Аврелия Архиловна Сетникова оказалась еще далеко не старой женщиной. Темное вдовье платье напрасно пыталось скрыть весомые достоинства хозяйки, но строгие серые глаза предостерегали от всяческих поползновений.

Комната Алексу понравилась. Небольшая, но светлая, минимум мебели, но все необходимое есть.

– Уборка ежедневно, белье меняют раз в пять дней. Если хотите, чтобы горничная почистила вам сапоги или мундир, то договаривайтесь с ней за отдельную плату. Вода в колодце, горячую воду для бритья можно взять на кухне.

– Хорошо, – кивнул лейтенант, – меня все устраивает.

– Четвертной в месяц с полным пансионом, – вынесла приговор хозяйка.

Дорого. Существенно больше лейтенантского оклада, поэтому молодые офицеры без состояния снимали комнаты вскладчину в более дешевых заведениях. Алекс достал кошелек и отсчитал ассигнации.

– Вот, здесь за два месяца вперед. Вещи я перевезу сегодня вечером.

Итак, бытовые проблемы были решены, оставалось разобраться со служебными.

Глава 3

Фельдфебель Грушило был страшен. И так не красавец от природы, за годы службы он успел обзавестись пороховым ожогом на правой щеке, сабельным шрамом на левой и лишиться правого уха вместе с частью скальпа. Картину дополняли курносый нос и глубоко посаженные глазки. Голова утопала в мощных плечах, из которых росли здоровенные ручки, а тело покоилось на коротких кривых ногах. Короче, Грушило здорово напоминал гориллу, старую, седую и грустную. Фельдфебель сдавал дела новому начальнику полковой гауптвахты.

– Из подследственных по списку числятся двое, в наличии двое...

Алекс невольно поморщился – от фельдфебеля сильно несло нафталином. По случаю выхода в отставку он надел свой лучший мундир, до этого бережно хранимый в сундуке специально для какого-либо торжественного случая. Вся эта процедура тяготила Грушило. Особенно смущало, что дела приходится сдавать совсем зеленому офицеру. Был бы свой брат – унтер, совсем другое дело.

– Первый – рядовой Ивасов. Обвиняется в неисполнении приказа командира роты. Хороший солдат, справный. Господин штаб-капитан на него за что-то взяли, вот и довели. Жалко парня, не заслужил он каторги.

Таких слов от зверообразного полкового пугала для солдат Алекс никак не ожидал. На такой должности мало вид иметь, еще и соответствующая репутация необходима. Под удивленным взглядом лейтенанта фельдфебель как-то съежился и вернулся к официальному тону:

– Второй – старший унтер-офицер Фелонов. Обвиняется в дезертирстве. Ну это вы знаете.

– Знаю, – тяжело вздохнул Алекс. – Все?

– Тут еще подписать надо.

Фельдфебель подвинул лейтенанту два листа бумаги с каллиграфически написанным текстом и амбарную книгу, заранее раскрытую на нужной странице. Следуя указаниям фельдфебельского пальца, Алекс поставил закорючки в нужных местах. Грушило забрал один лист себе и только после этого выложил на стол связку ключей.

– Второй комплект у дежурного.

Вот теперь, действительно, было все. Фельдфебель тяжело поднялся, звякнули висящие на мундире награды. В длинном ряду юбилейных и за выслугу лет медалей висели два солдатских Военных креста третьей и четвертой степени.

– Разрешите идти, господин лейтенант?

Алекс несколько секунд пристально разглядывал замершего перед ним ветерана.

– Не разрешаю, сядь.

Удивленный фельдфебель опустился на стул.

– Тяжело уходить?

– Тяжело, – признался Грушило. – Да я не в претензии, господин лейтенант, все возможные сроки уже выслужил. Без малого сорок четыре года в полку. Как только двадцать стукнуло, так сразу в рекруты и забрили. Что теперь дальше делать – не знаю.

– Повоевать, я вижу, пришлось.

– А то! Это сейчас тут тихое болото, а лет тридцать – сорок назад такое творилось... Бывало, от штатного состава полка меньше половины в строю оставалось. Один раз даже до Харешского перевала дошли, да без толку все.

Фельдфебель безнадежно махнул рукой. Название перевала Алексу ничего не говорило, но судя по тому, как его произнес этот покрытый шрамами ветеран, только дойти до него было огромным достижением. Лейтенант сделал заметку, что необходимо срочно заняться географией правого берега Темерюка, а лишний источник знаний, протопавший всю местную

топографию солдатскими сапогами, лишним никак не будет. Решившись, Алекс задал прямой вопрос:

– Остаться хочешь? Пусть не начальником, но в полку и при деле.

На этот раз уже фельдфебель пристально разглядывал офицера, пытаясь угадать, к чему тот клонит. Наконец Грушило признался:

– Хочу.

– А какие дела в полку творятся, хорошо знаешь?

– Так точно, господин лейтенант.

– Тогда мне нужен какой-то факт, который позволит прижать полковника к стенке и заставить его изменить приказ.

Взгляд фельдфебеля Грушило выражал большие сомнения в том, что зеленому лейтенантику удастся хотя бы перешагнуть порог полковничьего кабинета, но Алекс продолжил на него наседавать:

– Может, он в артельные суммы лапу запускает или на полковую швальню гнилое сукно покупает?

– Да как такое можно, господин лейтенант? Ни в чем подобном наш полковник не замечен.

– Думай, фельдфебель, думай, если хочешь остаться. Ни за что не поверю, что наш полковник чист как стеклышко, такого просто не бывает.

Грушило поерзал на стуле, почесал всякие места, несколько раз с сомнением поглядывал на вцепившегося в него молодого офицера. Наконец он решился. Воровато оглянувшись на дверь, почти шепотом сообщил:

– Урожай овса в этом году был хороший.

Алекс не понял, какое отношение имеет полковник Вернов к урожайности овса в Текуле, но тут фельдфебель продолжил еще тише:

– А овес для полковых лошадей закупили по прошлогодней цене.

Честно говоря, компромат был так себе. На подобные шалости всегда смотрели сквозь пальцы. Даже если бы этот факт выявился при какой-нибудь проверке, Вернов всегда мог отбрехаться тем, что контракт был заключен задолго до того как. Или просто свалить все на недотепу интенданта.

– А ты уверен, что полковник был в курсе?

– Не извольте сомневаться, у меня приятель – делопроизводитель при штабе.

За неимением гербовой придется писать на простой. Хотя, если взглянуть на эту историю под определенным углом, то вполне можно увидеть отставку виновника перерасхода казенных средств, а чтобы придать начальственному взгляду нужный угол, семейству Магу даже сильно напрягаться не придется. На этом и можно попробовать сыграть. Вернов-то сам по себе, никаких связей наверху у него нет, никто за него не заступится.

Алекс расстегнул кобуру, вытащил тяжелый «гранд», решительно крутанул барабан, убеждаясь, что полон, и спрятал револьвер в ящик стола. Разговор предстоял горячий, на повышенных тонах, и он хотел избежать малейшего соблазна схватиться за оружие. Он бы и саблю в кабинете оставил, но она полагалась по форме.

– Жди здесь.

Заперев ящик на ключ и проверив ладонью симметрию фуражки относительно собственного носа, лейтенант Магу вышел на решительный бой. Адъютант был сильно удивлен добровольным появлением опального офицера у дверей полковничьего кабинета, но доложил немедленно. Вернов помариновал Алекса недолго, минут десять, но все-таки принял.

– Надеюсь, вы принесли мне рапорт об отставке?

– Никак нет, господин полковник, я принял гауптвахту. И в связи с этим прошу оставить фельдфебеля Грушило в инвалидной команде.

– Нет, приказ о его отставке мною уже подписан.

Ничего иного Алекс и не ожидал, отбросив все политесы, он пошел ва-банк.

– Видите ли, господин полковник, лейтенант Алекс Магу в армии только один, а полковников вроде вас несколько сотен. Одним больше, одним меньше – никто и не заметит.

– Вы мне угрожаете?

Шрам на лице полковника начал багроветь. Когда такое происходило, те, кто мог, спасались от полковничьего гнева бегством. Кто не мог, огребали неприятностей по полной. Алексу отступать было некуда.

– Предупреждаю, что если до вечера приказ не будет отменен, то готовьтесь встречать комиссию из министерства. А то мне кажется, что полковые лошади сейчас жуют слишком дорогой овес.

На принятие решения Вернову потребовалось несколько секунд. Полковнику вдруг показалось, что перед ним стоит оскаливший зубки щенок, но за этим несмышленишем скрывается тень гораздо более крупного и опасного зверя. Командир полка стряхнул наваждение, и все встало на свои места.

– Вон отсюда!!!

Казалось, дрогнули стекла в окнах полковничьего кабинета. Лейтенант Магу с достоинством выдержал удар полковничьего рева по барабанным перепонкам.

– Есть, вон!

Несколько шагов до дверей Алекс прошел строевым, едва сдерживаясь, чтобы не ускорить шаг. В приемной его охватило сильнейшее желание врезать по ехидной роже адъютанта, дверь никак не могла полностью заглушить вопли полковника, и тот, несомненно, все слышал. Но лейтенант взял себя в руки и вежливо распрощался со штабной крысой, но здание штаба покинул не сразу.

В крохотном кабинетике начальника гауптвахты лейтенанта с нетерпением ждал фельдфебель Грушило.

– Я поставил полковнику ультиматум. Либо он отменяет свой приказ, либо пусть ждет интендантскую комиссию.

Седой ветеран поднялся, взял заранее собранный узелок с личными вещами, по привычке испросил разрешения идти и вышел из кабинета. Не поверил старый фельдфебель в благополучный исход дела.

Выглянув в коридор, Алекс позвал дежурного и приказал привести к нему в кабинет старшего унтер-офицера Фелонова. Увидев лейтенанта за столом начальника, унтер ничуть не удивился, о смене власти на полковой гауптвахте находящиеся под арестом солдаты уже знали. Прервав доклад о прибытии арестованного Фелонова, Алекс кивнул на стул.

– Садись. Ну что, Влад, вот мы с тобой опять встретились. И снова в тюрьме.

– Так точно, господин лейтенант. Только я опять сижу, а вы меня охраняете.

– Я к тебе в тюремщики не нанимался, – вспыхнул Алекс. – Если хочешь, можешь идти на все четыре стороны, я распоряджусь тебя выпустить.

– Извините, господин лейтенант.

Оба прекрасно понимали, что идти унтеру некуда.

– Все, забыли. Ты мне лучше скажи, не пропало желание Хамиди глотку перерезать?

– Не пропало, иногда ночью снится, как я его... Только как до него добраться?

– Есть мысли по этому поводу, – обнадежил мстительного унтера Алекс, – но нужны люди. Можешь среди тех, кто тут надолго, подобрать восемь-десять солдат? Таких, чтобы на рискованное дело согласились, крови не боялись и язык умели за зубами держать.

Фелонов задумался.

– Есть такие. Ивасов, например, из саперов. У Игнасова бандиты сестру украли, он тоже, думаю, не откажется. Да еще поискать можно. Только, господин лейтенант...

– Что?

– Надо бы что-то еще. Как-то заинтересовать людей.

Понятно, что просто так сменить безопасную камеру полковой гауптвахты на смертельно опасные горы мало кто согласится.

– Деньги будут.

Вряд ли солдаты запросят много. Для них золотой червонец – сказочная сумма. Так что от этой операции бюджет семейства Магу сильно не обеднеет.

– В случае ранения или инвалидности – пенсия, в случае гибели – помощь семье.

Щедро раздавая обещания, Алекс искренне верил, что сможет их выполнить. Да и не собирался он никого терять, а в самом худшем случае... Он ведь в кабинете отсиживаться не собирался, в этом случае и спросить будет не с кого.

– Тебе и Ивасову найму лучших адвокатов. Даже если полковой суд признает вас виновными, то мы апелляцию подадим и до самого коронного суда дойдем, где-нибудь обязательно соскочим. – Эти обещания были более реальны, но до них еще нужно было дожить. – Ты мне лучше вот что скажи...

Алекс увел разговор на другую тему. Разложив на столе старую карту, где позиции основных сил сто четырнадцатого пехотного полка были нанесены на правом берегу Темерюка, офицер с унтером проговорили до самого ужина. Как карта попала к лейтенанту? Да очень просто – штабные писари тоже люди и тоже деньги любят. А пропажу из архива карты сорокалетней давности никто и не заметит. Зато на этой карте местность южнее Темерюка была изображена куда как подробнее, чем на нынешних.

Возвращаясь обратно в камеру, в коридоре гауптвахты Влад и дежурный унтер встретили фельдфебеля Грушило. Тот с довольной рожей тащил свой узелок в комнату дежурных.

Здание гауптвахты было построено полвека назад. Прочное, основательное, строилось оно с расчетом обороны от возможного нападения извне. С тех пор полковые постройки выросли, охватили гауптвахту со всех сторон, а она осталась стоять, отгородившись от полковой жизни кирпичной стеной в полторы сажени. В пределах этой стены начальник гауптвахты был полновластным хозяином, даже полковник Вернов заглядывал за старые деревянные створки ворот не каждый год.

Ранним утром у этих ворот появился старый унтер с винтовкой у ноги. Штык примкнут, на поясе подсумки, на роже готовность защищать вверенный объект, он сейчас лицо неприкосновенное. Проходивший мимо капитан Казубов, удивленный появлением часового, хотел было сунуть нос внутрь двора, но унтер всем своим видом продемонстрировал – не пустит. Капитан, сделав вид, что не очень-то и хотелось, пошел дальше.

Между тем внутри двора происходили интереснейшие события. Семь солдат во главе с лейтенантом Магу возились с винтовками лежа поперек двора. В их оружии взгляд капитана Казубова вряд ли смог бы опознать игольчатые винтовки «крейзе», которых в этих краях отродясь не бывало. Командовал действием фельдфебель Грушило.

– Заряжай!

Привыкли солдаты сто четырнадцатого стрелять стоя, теперь же им приходилось осваивать стрельбу из непривычного положения «лежа». Наконец, последний солдатик щелкнул затвором.

– Цельсь! Пли!

Вместо выстрелов раздались сухие щелчки, палить боевыми патронами внутри крохотного двора было немислимо. Убедившись, что все солдаты затвором орудуя вполне уверенно, фельдфебель подал команду:

– Встать! Оружие к осмотру.

Проверив отсутствие патронов в казенниках, Грушило приказал сдать винтовки и отправляться обратно в свои камеры, здесь все-таки гауптвахта, а не курорт. Сам фельдфебель подошел к лейтенанту.

– Господин лейтенант, я тут овражек присмотрел верстах в пяти. На двести шагов палить можно смело, никто не увидит и не услышит.

– Отлично, – обрадовался Алекс, – ни к чему обывателей пугать и раньше времени полковника беспокоить. Завтра выведем арестантов на работы, а сами на стрельбище, пора наконец новые винтовки опробовать.

Десять «крейзе» и два патронных ящика прибыли в Текуль всего два дня назад, тут же были получены лейтенантом Магу и доставлены в помещение гауптвахты. Алекс немедленно приступил к обучению солдат и сам учился стрелять из нового оружия. Первоначальные восторги по поводу скорострельных казнозарядных винтовок быстро утихли. Как оказалось, бумажный патрон боялся влаги, обтюрация пороховых газов была не на высоте, случались осечки, а буквально на третьей стрельбе сломалась игла одной из винтовок. Иглу, конечно, заменили, но осадок остался. И все же, несмотря на все недостатки, «крейзе» были громадным шагом вперед по сравнению с устаревшими дульнозарядными винтовками полка.

Стреляли солдаты уже весьма прилично, но вслепую соваться на правый берег с семью стрелками было безумием, требовались разведка и агентура. Алекс собрал совещание. Присутствовали лейтенант Магу, фельдфебель Грушило и старший унтер-офицер Фелонов. Присутствие двух последних сделало и без того маленький кабинет начальника гауптвахты совсем крохотным. Хорошо хоть в нем не было хрупких вещей, иначе быть бы им разбитыми. Расстелив на столе карту, первым взял слово лейтенант.

– Предлагаю начать с хозяина того дома, где нас держали первую ночь. Он, несомненно, связан с Хамиди, и до него нетрудно добраться. Нужно только его вычислить. Напали на нас здесь, час везли до реки...

– Вот тут вас через реку перевозили, – ткнул в карту пальцем фельдфебель, – расстояние подходящее и место там удобное. Помню, и мы там не раз переправлялись.

С мнением старого служаки все согласились.

– От переправы нас везли всего часа два, это верст семь-восемь. Юго-восточное направление можно отбросить. К дому Хамиди ведут две дороги. Одна от места переправы идет строго на юг, вторая – на юго-запад.

– По южной дороге большой крюк получается, – заметил Фелонов.

– Поэтому начнем с юго-западной, – принял решение лейтенант. – Это был отдельно стоящий дом, если я увижу двор изнутри, то наверняка его узнаю. Знать бы только, где там есть такие дома, он ведь может и не на самой дороге стоять, а в стороне. Вслепую искать его долго, а времени у нас будет мало.

– Через неделю в Текуле начнется ярмарка. С того берега тоже народ приедет, взять одного и расспросить как следует, – внес предложение унтер.

– Так он тебе все и рассказал, – не согласился фельдфебель.

– Можно его напоить, напугать, купить, в конце концов, – вмешался лейтенант.

– Не годится, – продолжил гнуть свою линию Грушило, – горцы нас ненавидят, а те, кто живет на равнине, ненавидят и боятся. Правды он все равно не скажет, а Хамиди о том, что мы неким домом в том районе интересуемся, предупредит. Тогда уже бей за нами охотиться начнет.

– И что же делать?

– Надо наших рыбачков потрясти, – внес конструктивное предложение фельдфебель, – вот из этой деревеньки. Они на правом берегу бывают, и дружки там у них наверняка есть. Если же повезет, то и проводника там найти можно. А продать попробуют...

Ветеран грохнул по столу кулачищем. Алекс подумал, что попадать под этот кулак явно не стоит, несмотря на почтенный возраст его обладателя.

– Два червонца.

Лейтенант выложил на стол два блестящих увесистых кругляша. Сидевший напротив него мужик, заросший бородой по самые брови, возбужденно засопел, но продолжил хранить молчание. Два золотых червонца – деньги немалые. Больше месячного лейтенантского довольствия. Немного добавить, и можно купить новую лодку. Или сеть. Но и дело офицер предлагал весьма опасное.

– Три.

На стол легла третья монета. Золото завораживало мужика своим блеском. На столе уже лежала новая лодка. И бабе на отрез останется, и детишкам... Но кто о них позаботится в случае неудачи? Он также знал, что лучше него правый берег никто не знает и этот лейтенант от него не отстанет, а ссориться с военными тоже не хотелось, могут ведь и прикладом по хребту врезать. Мужик невольно покосился на здорового унтера, стоявшего за спиной офицера. Все мысли рыбака без труда читались на его лице, и Алекс продолжил давление:

– Четыре. Больше не дам.

Четыре полновесных золотых кружка с профилем императора. Сытая жизнь или лютая смерть. Рыбак сломался и сгреб со стола золото.

– Когда?

– Сегодня ночью.

– Сколько?

– Восемь человек вместе со мной.

– Добро.

Вопрос с проводником был решен.

Для девяти человек с оружием лодка была легковата, между водой и краем борта оставалось не больше ладони. Когда посудина оказалась на середине реки и ее закачало волной, солдаты заволновались. Но вот нос лодки прошуршал камышом и ткнулся в берег. Алекс тут же перемахнул через борт и плюхнулся в холодную осеннюю воду. К счастью, здесь было уже мелко и в сапоги ничего не попало, но полы длинной шинели явно потяжелели. Следом с лодки посыпались солдаты. Плеск воды, брякнула чья-то винтовка, звякнула амуниция, кто-то тихо матюгнулся, набрав воды в сапог. Лейтенант похвалил себя за то, что догадался не брать на правый берег саблю.

– А ну, тихо! Ивасов, давай вперед.

Пока рыбак прятал лодку в плавнях, солдаты добрались до твердой земли и залегли. Сквозь облака выглянула крупная луна, залив округу бледным, мертвенным светом. С одной стороны, проще ориентироваться, с другой – шансов быть обнаруженными больше. Из плавней выбрался проводник.

– Пошли.

Вскоре солдатские сапоги застучали по каменистой дороге, проводник же шел бесшумно. Интересно, что у него за обувь. Шли долго, медленно, осторожно, но вот проводник круто повернул вправо. Дорога стала уже, но обычная телега проехала бы по ней без труда. Еще несколько минут ходу, и рыбак объявил:

– Пришли.

Никаких признаков, указывающих на близость жилья, не было, но проводник уверенно продолжил:

– Надо туда подняться, двор оттуда хорошо виден.

Солдаты расположились на холодных камнях. Лейтенант назначил двух часовых, остальным разрешил отдыхать. Незаметно указал Фелонову на рыбака, тот кивнул и хлопнул по своей винтовке, случись что, первая пуля – предателю.

С рассветом выяснилось, что проводник не обманул, двор был как на ладони.

– Чей это дом?

– Толстого Межида.

Дом был расположен весьма удачно с точки зрения бандитов. От дороги близко, но с нее не виден. Дорога к нему только одна, незаметно не подойти, а в случае чего, можно отойти в горы. Правда, лошадей при этом придется бросить.

Алекс еще раз обзрел утреннюю суету внутри двора и опустил бинокль. Хозяина не видно, только женщина в черном и пара девчонок. Ничего подозрительного, никаких признаков присутствия бандитов. Алекс начал сомневаться. Фелонову же не терпелось начать действовать.

– Ну что, он?

– А черт его знает, пока внутрь двора не попаду – не скажу.

И тут неожиданно влез проводник:

– Да он это. Ходил слух, что Толстый Межид с похитителями людей связался.

– Вот это мы сейчас и проверим.

– Я с вами не пойду, – отказался проводник.

Его можно было понять. Алекс кивнул.

– Жди здесь.

Лейтенант расстегнул кобуру и вытащил тяжелый «гранд». Взмахнув револьвером, командовал:

– Вперед.

Пригибаясь, солдаты побежали к дому. Окажись в доме пара хороших стрелков, всех бы положили. Но держать оборону было некому, их и заметили только когда солдаты подбежали к невысокому забору. Женщина завизжала, потом кинулась к девчонкам и увлекла их к дому. Еще бы чуть-чуть, и она успела проскользнуть внутрь вместе с дочками. Фелонов оказался быстрее, отшвырнув женщину от двери, он первым нырнул в дом, за ним еще двое. Остальные обшаривали двор. Женщина, прижав к себе девчонок, замерла, глядя на острие направленного на нее штыка. Рядом стоял офицер с револьвером.

Дверь дома распахнулась, и во двор вылетел толстый горец в нижнем белье. Похоже, Толстого Межида застали спящим. За ним вышел Фелонов, следом солдаты вывели еще двух девочек, совсем еще малышек. Начиналась самая неприятная часть операции.

– Межид, ты помнишь меня?

– Нет, офицер, не помню.

– Ну как же? Два с половиной месяца назад, я и двое солдат. Нас Хамиди-бей привез, и мы ночевали в твоей яме.

– У меня нет ямы.

– Нет ямы? А мы поищем. И если найдем, то поговорим по-другому.

Алекс повернулся к солдатам.

– Ивасов, посмотри, в том углу должна быть.

Сапер несколько раз ткнул штыком землю. Вскоре очередной тычок отозвался глухим стуком.

– Есть, господин лейтенант!

Крышку скovyрнули, открылся черный круглый провал. Внутри никого.

– Фелонов, всех расстрелять!

– Слушаюсь, господин лейтенант!

Повинуясь командам унтер-офицера, солдаты согнали все семейство к стене дома и начали выстраиваться в шеренгу напротив них. И тут глава семьи решился на отчаянный поступок. Никто не ожидал такой прыти от Толстого Межида, но отчаяние придало ему сил. Он неожиданно рванул с места, проскочил мимо солдат и кинулся к лейтенанту. Алекс вскинул револьвер, но в паре шагов Межид рухнул на колени.

– Не убивай! Пощади, офицер! Я все отдам, все сделаю!

– Встань!

– Нет, не убивай дочек, офицер, они ни в чем не виноваты!

– Поднимите его!

Двое солдат подняли Межида, но тот никак не мог удержаться на ногах, солдаты стиснули его с двух сторон. Алекс приблизился к хозяину и посмотрел ему в глаза, толстяк не выдержал, отвел взгляд.

– Уведите женщин!

Солдаты загнали женщину и плачущих девчушек в сарай, а Алекс приступил к допросу.

– Давно работаешь на Хамиди?

– Давно, два года.

– Часто он у тебя бывает?

– Сам – нет, только один раз был, а воины его раз в два-три месяца бывают, когда на тот берег идут и когда с товаром обратно возвращаются.

Товар! Два с половиной месяца назад этим товаром и был сам Алекс Магу. Но жаль, что Хамиди бывает здесь так редко, организовывать здесь засаду не имеет смысла, но узнать о бее нужно подробнее.

– Вспоминай, как и когда бей приехал к тебе.

– В начале осени. Примчались на взмыленных лошадях бей и его самые лучшие воины. Еще до полудня приехали. Лошадей у меня оставили и на тот берег ушли. А как стемнело, вернулись. Привели шесть лошадей, привезли офицера и двух солдат. Бей говорил, богатый офицер, много денег можно взять.

– Дальше, – потребовал Алекс.

– Все, с тех пор больше от Хамиди никого не было. Дней десять назад Мантасур передал мне пять червонцев.

– Кто такой Мантасур?

Межид поздно сообразил, что проболтался. Видно было, этого Мантасура он смертельно боялся. Но Мантасур был далеко, а руоссийские солдаты всего в двух шагах. Видя метания горца, Алекс решил малость его простимулировать.

– Влад, я вижу у нашего друга проблемы с памятью. Пристрели какую-нибудь из девчонок, чтобы он стал разговорчивее.

Фелонов не подвел. Зверски ощерившись, унтер перехватил винтовку и решительно двинулся к сараю. Межид сломался окончательно.

– Стойте, я все скажу!

Допрос продолжался около часа. Межид, действительно, был маленьким человеком. Он даже не входил в банду Хамиди, только прятал пленников и бандитов, за что ему и платили. Но этот толстый трус не был дураком, к счастью для Алекса, он умел слушать и запоминать. Теперь, когда плотина молчания рухнула, информация полилась потоком.

Мантасур был родственником Хамиди, вроде как двоюродным братом. Все дела в этой местности бей вел именно через него, человека, которому мог полностью доверять. Именно на Мантасура замыкалась вся бандитская агентура не только на правом берегу Темерюка, но и на левом. Сам Хамиди здесь появлялся редко, а в Руоссию ходил считанные разы, исключительно для поддержания своей репутации удачливого бея и непримиримого борца с руоссийскими

захватчиками. Межид сдал еще двоих, таких же, как он, держателей транзитных ям и бандитских укрытий. Осталось только уточнить некоторые детали.

– Как найти Мантасура?

– У него дом в Нижнем Такхизе. Самый лучший дом под железной крышей, вы его сразу узнаете.

– Как на него можно надавить?

– Он предан Хамиди, но очень любит своего старшего сына.

Дальнейшее направление пути к Хамиди Межид указал, оставалось только решить, что делать с ним самим и его семьей. Толстяк почуял, что именно в эти мгновения решается его судьба, и неожиданно выдал то, о чем его никто не спрашивал.

– Хамиди сейчас ушел за хребет в султанат, хочет там купить оружие, много хорошего оружия.

Фелонов бросил на лейтенанта торжествующий взгляд, его прогноз сбылся, но Алексу некогда было поздравлять унтера, его сейчас интересовал другой вопрос.

– Давно?

– Дня три назад.

– Когда он возвращается?

– Не знаю! Клянусь, не знаю! Только Мантасур может знать, только он!

Этому Алекс поверил, такую информацию людям вроде Толстого Межида не доверяют. Но он много рассказал, многое стало понятно, но появились новые, очень неприятные вопросы, на которые еще предстояло найти ответ. Потеряв интерес к дальнейшему допросу, лейтенант приказал солдатам:

– Уведите его к остальным.

Когда мольбы о пощаде стихли за закрывшейся дверью, Фелонов повернулся к офицеру.

– Что с ним дальше делать?

– Пусть живет.

– А может...

Унтер сделал характерный жест, перечеркнув большим пальцем горло. Лейтенант задумался, взвешивая все «за» и «против».

– Нет, пусть живет. Теперь он наш со всеми потрохами. После того, что он тут наболтал, бандиты его не простят.

– А он так и будет бандитов укрывать?

– Убьем его, бандиты найдут другого, а мы потеряем единственный источник в банде. К тому же все должно решиться очень быстро: или мы убьем Хамиди, или Хамиди – нас. Поэтому сейчас меня интересует Мантасур. Позови проводника, нужно посоветоваться.

Идти в Нижний Такхиз проводник наотрез отказался, сказал, что ни разу там не был. Мантасур? Слышал что-то, но больше ничего не знает. Алекс попробовал поднять ставки, но тут даже золото не помогло, мужик явно струсил.

– Ладно, иди. Вечером возвращаемся.

Фелонов проводил проводника взглядом, убедился, что тот его не услышит, и спросил:

– А может, ему нож к горлу?

– Не стоит, мы от него полностью зависим, может завести не туда. Деньги Хамиди получил всего месяц назад. Без денег с ним никто не стал бы разговаривать. Если партия оружия действительно крупная, то на то, чтобы ее заказать, доставить в султанат, получить, наверняка в обход таможи, месяца полтора-два пройдет. В султанат он отправился три дня назад, значит, даже до Хатуни еще не добрался. Там они погуляют, расслабятся, получают оружие и только потом двинутся обратно. Думаю, неделя-полторы у нас еще есть. Позови Межида, Влад, и сам далеко не уходи, надо объяснить толстяку, на кого он теперь в действительности работает.

В полдень следующего дня колонна из семи арестантов под охраной двух унтеров из инвалидной команды вошла на территорию полка. Позади ехали две телеги с песком и шанцевым инструментом, а проще говоря – лопатами. На одной из телег и пристроился лейтенант Магу, дремавший после бессонной ночи. Не успела процессия свернуть в ворота гауптвахты, как навстречу ей попался полковник Вернов со своим адъютантом. Оба были верхами.

Алекс спрыгнул с телеги и отправился на доклад начальству, но рта раскрыть не успел.

– Почему нарушаете форму одежды, лейтенант? Где ваша сабля?

– Виноват, господин полковник, больше не повторится!

Полковник ткнул пальцем в одну из телег.

– Это у вас что?

– Песок, господин полковник.

– Сам вижу, что песок. Зачем вы тащите его в полк?

– Двор гауптвахты отсыпать, господин полковник.

– Объявляю вам выговор, лейтенант, за нарушение формы одежды.

– Есть, выговор.

Не найдя, к чему еще придраться, полковник тронул лошадь, за ним двинулся адъютант, бросивший на Алекса ехидный взгляд. И чего он такой довольный, сволочь?

Солдат развели отдыхать по камерам, а командиры в прежнем составе собрались обсудить результаты вылазки.

– Что это вы какой-то смурной, господин лейтенант? – поинтересовался Грушило.

– Выговор от полковника получил за отсутствие сабли.

Тут влез Фелонов:

– Это еще хорошо, что он в песок нос не сунул, вот крику было бы!

– Ничего страшного, – махнул рукой Алекс, – все винтовки оформлены как мои охотничьи ружья.

– Это «крейзе»-то охотничьи? – удивился унтер.

– Да. И бумаги соответствующие имеются. А твои инвалиды не проболтаются?

– Не извольте беспокоиться, господин лейтенант, – заверил офицера фельдфебель. – Я с каждым из них не меньше двадцати лет из одного котла хлебал. Они быстрее меня послушают, чем полковника. А если кто...

Грушило водрузил на стол свой кулачище, демонстрирующий дальнейшую судьбу сослуживца, не умеющего держать язык за зубами. После этого лейтенант пересказал фельдфебелю информацию, полученную от Толстого Межида.

– Это вы удачно сходили, – заметил старый солдат, – главное – без потерь. И хорошо, что трогать никого не стали. Вот только... – Ветеран вопросительно посмотрел на офицера.

– Да я и сам голову ломаю, как такое может быть, – высказал свое мнение Алекс, – но не сходится никак. Я узнал о выезде приблизительно за сутки. Даже если предположить, что кто-то узнал об этом одновременно со мной и тут же послал гонца, то до Хамиди он бы добрался не раньше чем за шестнадцать часов. Это если загнать пару лошадей и иметь готовую к переправе лодку. Еще столько же потребуется Хамиди, чтобы добраться до места засады. Никак не сходится.

– Не сходится, – подтвердил Фелонов. – Хамиди сорвался с места ночью. Когда точно – не знаю, мы в яме сидели. Вечером еще был, а утром и след простыл.

– И был ли гонец, ты тоже не знаешь?

Унтер только руками развел.

– Ладно, – хлопнул по столу ладонью лейтенант, – поймаем Хамиди – спросим, как такое могло быть. Фелонов, давай карту.

Расстелив на столе пожелтевший от времени лист плотной бумаги, лейтенант начал излагать свой замысел.

– От Хатуни на эту сторону хребта можно пройти через три перевала: Харешский, Тарусский и Артыкский. . .

– Харешский можно сразу исключить, – влез Грушило.

– Почему? – потребовал пояснений лейтенант. – Он самый низкий и самый безопасный для Хамиди.

– Крюк слишком большой получается, – пояснил фельдфебель. – К тому же Хареш безопасен только от нас. Большой караван с оружием – не иголка, его не спрячешь. Уже сейчас слухи ходят, а когда он станет реальностью, многие беи захотят отщипнуть от Хамиди кусочек удачи, предложив заплатить за безопасный проход по их территории.

– Хамиди сильнее любого из них, – возразил Фелонов.

У Грушило нашлись свои аргументы.

– Это так, но он не сможет взять с собой всех своих воинов, кто-то должен остаться и охранять дом. Если же объединятся два-три бея, а ради такой добычи вполне могут это сделать, то сил для захвата каравана у них будет в избытке. В любом случае, если Хамиди все-таки выберет Хареш, то о засаде можно забыть, этот перевал слишком хорошо охраняется. Поэтому надо смотреть на Тарусский и Артыкский.

После недолгого спора с ним согласились. У каждого из двух оставшихся перевалов были свои плюсы и минусы. Тарусский был ниже, и караван через него провести проще, но он был ближе к Темерюку и засаду там устроить легче. Переход через Артык был дольше и труднее, зато безопаснее.

– Недели через три в горах пойдет снег, – напомнил фельдфебель, – и оба перевала закроются. Надо что-то решать.

– Тряхнем Мантасура, – предложил Фелонов. – Но если он не сломается, то Хамиди узнает, что мы за ним охотимся.

Алекс беспечно отмахнулся.

– Насколько я знаю, за ним всегда кто-нибудь охотится, у него слишком много кровников.

– А он до сих пор жив, – заметил Грушило.

– Ничего, – вскинулся лейтенант, – мы это недоразумение исправим.

Седой ветеран только головой покачал, не одобряя такой самоуверенности. Но офицера уже понесло.

– Ну, где этот Нижний Такхиз?

С помощью старого фельдфебеля Такхиз на карте отыскивали быстро, и был он вполне досягаем, но на карте значился просто Такхиз. Никаких «Верхних» или «Нижних» не было.

– Такхиз еще лет тридцать назад почти полностью вырезали, – припомнил давние события ветеран, – помню, дело горячее тогда было. Те, кто уцелел, в горы ушли. Они, видать, Верхний Такхиз построили. А Нижний должен быть там, где стоял прежний. Или где-то рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.